Питер Бенчли

Остров

Питер Бенчли
Остров

OCR Денис
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118531
Оригинал: PeterBenchley, “The Island”
Перевод:
А. Флотский

Аннотация

Увеселительная морская прогулка отца и сына превращается в кровавую трагедию. Но в этом виновны не акулы, столь любимые великолепным мастером триллера Питером Бенчли. Нет, здесь действует другой хищник, с невероятной жестокостью и изощренным коварством сражающийся за свое сомнительное право на существование в современном мире.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 21
Глава 4 25
Глава 5 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Питер Бенчли
Остров

Посвящается Трейси и Клэй.

Сквозь призму времени в любом романтическом приключении видна трагедия.
Пословица

В естественном, догосударственном состоянии у людей нет ни искусства, ни литературы, ни общества; есть лишь постоянный страх и непреходящая опасность внезапной гибели; и человек одинок и жалок, злобен и груб, и век его короток.
Томас Гоббс. "Левиафан"

Глава 1

Судно стояло на якоре так спокойно, что казалось приваренным к воде. До берега было далеко, и длинные перекатывающиеся донные волны – отголоски далеких штормов – должны были бы играть им, поднимая и опуская линию горизонта. Но уже больше недели над Атлантическим океаном, от Гаити до Бермуд, стояла область высокого давления. На небе – ни облачка, и в отраженном полуденном солнце вода отливала сталью.

На востоке, примерно в миллиметре выше края света, висело что-то серое, колеблющееся – отражение островка, лежащего сразу же за линией горизонта. На западе – ничего, кроме паривших в танце волн тепла.

На корме, с лесками в руках, стояли двое – они ловили рыбу. На них были потрепанные шорты, грязные белые футболки и широкополые соломенные шляпы. То и дело один из них сбрасывал с кормы ведро на веревке и выплескивал воду на палубу, чтобы босые ноги не поджаривались на стекловолоконном покрытии. Между ними, в углублении, предназначенном для стрелка, сейчас стоял импровизированный столик из перевернутых коробок от спиртного, заваленный рыбьими головами, требухой и клубками смерзшихся сардин для наживки.

Чтобы леска не перетиралась на бронзовых поручнях, оба они держали руки над водой и ждали подергивания – знака того, что где-то внизу, в сотне фатомов под ними, рыба взяла наживку.

– Чувствуешь?

– Нет. Хотя она там, внизу… если только мелочь даст ей подойти.

– Что за сволочной прилив!

– Да. Все время поднимает мою наживку. Запахи кухни достигли кормы и смешались с вонью портящейся на солнце рыбы.

– Чем этот чертов португалец будет нас сегодня травить?

– Судя по вони – свиными рылами.

В темной бездне под судном рыбина немалых размеров взяла одну из наживок и понеслась к расщелине в скале.

Мужчину прижало к планширю. Уперевшись коленями, чтобы не упасть за борт, он начал выбирать леску: ярд левой рукой, ярд правой, еще один левой…

– Черт! Я знал, что она там!

– Может, это акула…

– Как же, акула, черт ее подери! Моби Дик, а не акула!

Рыбина опять рванулась, и мужчина заскрипел зубами – леска врезалась ему в руку, – но он не отпускал ее. Внезапно леска ослабла.

– Сука!

Второй мужчина рассмеялся.

– Приятель, ты не умеешь ловить рыбу. Ты вытащил крючок у нее из пасти.

– Она его откусила, вот в чем дело!

– Откусила…

Он медленно стал выбирать леску, следя за тем, чтобы она аккуратно сворачивалась у его ног. Крючок, грузило и вожак[1]исчезли, а сама леска была измочалена.

– Я ж говорил тебе – откусила.

– Ну а я тебе говорил, что это черт, а не акула!

Мужчина привязал к леске новый крючок и вожак. Он оторвал две полузамороженные сардины от клубка наживки, одну съел, а в другую продел крючок – сквозь глаза, по хребту. Выбросив крючок за борт, он позволил леске заскользить между пальцами.

– Эй, Дики!

– Да.

– Завтра в какое время? Как сказал капитан?

– В полдень. В одиннадцать с чем-то он встречает самолет. Ну, а дальше смотря по тому, сколько у них шмоток. Они должны быть в доке примерно в полдень.

– Какие там врачи на этот раз?

– Нельсон, я тебе раз сто уже это говорил. Это нейрохирурги.

Нельсон рассмеялся.

– Да, это круто…

– Не понимаю, что смешного может быть в нейрохирургах.

– Это врачи, которые лечат голову, приятель. А зачем врачам, которые лечат голову, баловаться рыбной ловлей?

– Нейрохирурги лечат не только голову.

– Это ты так считаешь. Когда тот парень на Барбуде огрел меня по голове, меня послали к нейрохирургу.

– Ты мне рассказывал.

– Я, впрочем, привел его в замешательство, и он послал меня к какому-то чеху.

– Во всяком случае, нет такого закона, что нейрохирург не может заниматься рыбной ловлей. Важно одно – капитан говорит, что они сразу платят наличными. – Дики помолчал. – Не помнишь, сколько их всего?

– Я и не знал.

– Мануэль! – крикнул Дики.

– Да, мистер Дики. – В дверях каюты появился мальчик. Он был тонким и жилистым, на вид лет двенадцать-тринадцать, кожа темно-коричневая от загара. Его волосы прилипли ко лбу, на белой крахмальной рубашке виднелись темные полоски от пота.

– Сколько… – Дики остановился. – Тупица! Пустоголовый португальский ублюдок! Я ж тебе говорил, чтоб ты не надевал униформу, когда на борту нет гостей!

– Но я не…

– Посмотри на свои штаны, приятель! Ты как будто обделался!

Мальчик глянул вниз, на свои брюки. Тепло каюты пропарило складки, штанины были в жирных пятнах.

– Но у меня нет других!

---

[1] Приспособление для направления лески.

– Меня это не касается! Можешь хоть всю ночь напролет стирать их, но чтобы к утру они были белыми, как задница у ангела.

Нельсон улыбнулся.

– Откуда нам знать, Дики? Может быть, нейрохирургам нравятся маленькие грязные португальцы.

– Что ж, Нельсон, может, ты и прав. Что скажешь, Мануэль? Может, мы дадим им с тобой немного поразвлечься?

Глаза Мануэля расширились.

– Нет, сэр, мистер Дики. Что бы это ни было, я не хочу.

– Сколько коек ты подготовил?

– Восемь. Как сказал капитан.

Нельсон понюхал воздух.

– Что за чертовщину ты готовишь, приятель?

– Свиные пятачки, мистер Нельсон.

Дики заметил:

– Я ж тебе говорил, Нельсон. Большего ты не достоин.

Когда Мануэль помыл и расставил тарелки, горшки и сковородки, и когда он дочиста выскреб камбуз, ему стало нечего делать. Ему хотелось закрыть наружную дверь, включить кондиционер и телевизор в главном салоне и развалиться на велюровом диване. Но кондиционер включали только тогда, когда на борту были гости – они за это платили; телевизору нечего было принимать, а диван, как и вся остальная мебель, был зачехлен.

Там стоял еще стол, набитый книжками в мягких обложках, и Мануэль мог бы залечь к себе на койку и почитать, но его способность читать ограничивалась чтением печатных букв – в надписях на коробках с замороженной едой, в маркировке морских приборов, и в названиях мест на морских картах. Он был решительно настроен научиться читать получше, и изучал заголовки в иллюстрированных журналах, оставленных пассажирами, – “Пипл”, “Юнайтид Стейтс”, “Плейбой”, “Пентхауз” и “Яхтинг”. Но он чувствовал, что из имевшихся на борту журналов он уже выжал все, что мог.

Дики и Нельсон все еще рыбачили на корме. Мануэль мог, конечно, соорудив себе леску, присоединиться к ним, и он бы так и сделал, если б у них клевало. Но число шуточек, которыми обменивались Дики и Нельсон, увеличивалось обратно пропорционально количеству выловленной рыбы, и в такие неудачные дни, как сейчас, им только и оставалось что шутить. Появись там Мануэль, они переключились бы на него, как на свежую мишень, а он этого не выносил.

Так что он перестирал всю свою одежду, потом отгладил ее, и ему опять стало скучно.

Надев плавки, Мануэль все же вышел на корму. Солнце разбухало, коснувшись горизонта на западе, и уже показалась луна – тусклая лимонная долька на серо-голубом небе.

– Мистер Дики, не снять ли мне чехлы со стульев и прочего?

Дики не ответил. Он сосредоточился на кончиках своих пальцев, пытаясь разобраться в слабых толчках и подергиваниях лески, чтобы отличить беспокойство мелкой рыбешки от первого пробного рывка большой. Он дернул леску, чтобы подсечь, но безуспешно. Он опять расслабился.

– Нет. Оставь это мне. Утром времени будет достаточно. Но если ты сидишь, ковыряя пальцем в носу, то лучше поковыряйся вначале в баре – неплохо заполнить его бутылками.

– Ага.

– И принеси нам рому, когда закончишь.

– Я могу включить радио?

– Несомненно. Евангелие тебе не повредит. Изгонит греховные мысли у тебя из головы.

Мануэль вернулся в салон. В шкафчике под телевизором было несколько радиоприемников: однополосный, сорокаканальный для обычных гражданских частот, коротковолновый, и стандартный, для УКВ. В это время дня полосы были в основном забиты разговорами – кубинские рыбаки обсуждали свой дневной улов, пассажиры кораблей вызывали Штаты (через Морскую, Службу в Майами), рыбаки сейнеров докладывали своим женам, когда их ждать домой. Мануэль включил приемник на средние волны и услышал знакомый, успокаивающий голос проповедника – священника из Индианы, который записывал религиозные программы на пленку в Саут-Бенде и посылал их по почте на евангелическую радиостанцию на мысе Гаити. Большинство судов, курсирующих вблизи 20°-22° северной широты и 70°-73° западной долготы, держали обычно свои приемники настроенными на станцию WJCS (Иисус Христос Спаситель), так как это была единственная станция, которую можно было принимать без помех, и которая регулярно передавала прогноз погоды. Прогнозы Бюро Погоды США из Майами были достаточно надежны для Флориды и Багамских островов, но оказывались на редкость недостоверными для предательского бассейна между Гаити и островом Аклинс.

– … и теперь, собратья, – проникновенно вещал проповедник, – я приглашаю вас присоединиться к нам здесь, в Прибежище Покоя. Вы знаете, собратья, что для каждой души, плывущей по морю жизни, парит высоко в небе летучий кораблик – Предупреждение. И если вы услышите его, Христос встанет рядом с вами у кормила…

Мануэль скатал ковер в салоне, поднял крышку люка и спустился в трюм. Взяв фонарь, прикрепленный к переборке, он осветил бесчисленные коробки с консервированной едой, напитками, репеллентами, сетчатые мешки с луком и картофелем, завернутые в бумагу копченые окорока, банки с канадской ветчиной и рулетом из индейки. Наклонившись, он двинулся вперед по узкому трюму, пытаясь найти одну-две коробки со спиртным. “Ну, максимум – три”, – решил он: восемь человек, включая четырех женщин, которые пьют меньше, чем мужчины – на семидневную поездку. Тридцати шести бутылок будет более чем достаточно. И гости, как он знал, не заказывают больше, чем запланировали. Еда входила в стоимость рейса, а за напитки платить надо было отдельно, и все, что оставалось после гостей, допивала команда. Таковы были правила.

Он двинулся дальше и осветил носовое отделение, забитое коробками со спиртным. Он прочитал трафаретные надписи на боках, затем, привыкнув не доверять своим читательским способностям, перечитал их снова: виски, джин, текила, “Джек Дэниэлс”, ром, арманьяк. Про себя Мануэль перемножил бутылки, людей и дни. Сто сорок четыре бутылки, восемь человек, семь дней. Две с половиной бутылки на человека в день.

Мануэль опустился на колени, уставился на картонки и вдруг почувствовал, как ему плохо. Это будет плохая поездка. Они будут жаловаться на все; когда гости пьют слишком много, их все раздражает – погода, условия проживания, еда, выловленная рыба, и особенно – остальные пассажиры. Дики, Нельсон и капитан обладали иммунитетом к грубости; их возраст, опыт, сила держали всех на расстоянии, кроме разве что самых невоспитанных грубиянов. Это означало, естественно, что пьяницы приберегли свою язвительность для молодого и беззащитного Мануэля.

Он положил фонарь на пол и оторвал крышку с ближайшей коробки виски. В бар на палубе достаточно будет поставить по две бутылки каждого напитка – достаточно на первый вечер, по крайней мере.

* * *

В сумерки рыба начала клевать.

– Никогда не мог этого понять, – сказал Нельсон, вытягивая леску. – Там же внизу нет света, откуда ж они знают, когда подходит время обеда?

– У них внутри есть природные часы. Я про это читал. – Дики перегнулся через поручень. – Ого, посмотри на этого лупоглазого черта.

Нельсон ухватился за вожак и перевалил рыбину через планширь. Она была интенсивного красновато-розового цвета и весила 6-8 фунтов. Поскольку рыбина была поднята со дна, воздух раздул ей живот и заставил выпучить глаза. Распухший язык полностью заполнил разинутую пасть.

– Ужин, – сказал Нельсон.

– Точно, черт побери. Мануэль!

Ответа не было. Мальчик был в трюме, далеко. Из салона слышался голос проповедника на фоне песнопений:

– … и ты, может быть, скажешь самому себе, собрат: “Но ведь Иисус не может любить меня, слишком уж я злостный грешник”. Но именно поэтому Он любит тебя, собрат…

– Мануэль! – Дики двинулся вперед. – Черт побери, приятель… – Внезапно, сквозь передние стекла салона. Дики увидел, как что-то плывет к их кораблю, влекомое быстрым течением. – Эй, Нельсон, – Дики указал пальцем. – Что там такое, по-твоему?

Нельсон оперся о борт. В полутьме он едва видел предмет, на который указывал Дики. Он был в двадцати или тридцати ярдах – темный, твердый, длиной двенадцать-пятнадцать футов. Им, очевидно, никто не управлял, так как он медленно вращался по часовой стрелке.

– Похоже на бревно.

– Уж больно здоровенное бревно. Черт! Оно разнесет нам нос.

– Оно не так уж быстро двигается, чтоб нанести какой-то вред.

– Тогда обдерет краску.

Предмет ударился в нос судна, сбоку от волнореза, остановился на мгновение, и затем, влекомый течением, лениво двинулся по направлению к морю.

Внизу Мануэль услышал глухой удар о борт. Он открыл коробку “Джек Дэниэлс”, сунул две бутылки под мышку и, с фонарем в другой руке, пошел в сторону кормы, к люку. Он поставил “Джек Дэниэлс” на палубу салона и, согнувшись, опять двинулся к носу, проигнорировав призыв проповедника:

– … пишите нам сюда, в Прибежище Покоя, и мы обещаем, что ответим вам, если вы вложите конверт со своим адресом и марками.

– Это лодка! – сказал Дики.

– Ну уж!

– Похоже на каноэ. Посмотри на нее.

– Никогда не видел таких лодок.

– Найди багор. Самый большой.

Нельсон нагнулся и достал четырехдюймовый багор с крюком на шестифутовой стальной рукоятке. Предмет быстро приближался.

– Цепляй его, – сказал Дики. – Подожди… рано еще… рано… Давай!

Нельсон протянул багор и резко дернул его к себе. Крюк, погрузившись в дерево, прочно засел в нем.

Это было огромное, пустотелое бревно, сужающееся по концам. Прилив тащил его, отводя дальний конец от судна.

– Тяжелый, черт, – сказал Нельсон. – Я его долго не удержу.

– Тяни его сюда. – Дики, оттянув задвижку, открыл дверцу на транец, который использовался для того, чтобы втаскивать на борт больших рыбин. Он шагнул на узкую платформу, расположенную на уровне воды, прямо над выхлопными трубами.

Нельсон повел бревно вокруг кормы, выводя его из приливного потока под защиту судна. Бревно мягко качалось – как колыбель.

– В нем что-то есть, – заметил Нельсон.

– Я вижу. Похоже на холстину.

Нельсон подвел бревно к корме.

Ухватившись за крепительную планку на корме, Дик левой ногой откинул край холстины. Там оказалась человеческая рука, повернутая ладонью вверх, как у просящего милостыню.

– Господи, черт побери! – Дики поставил ногу обратно на платформу. Обеими руками он вцепился в планку.

На корме повисло молчание; каждый прислушивался к биенью своего сердца. Наконец Нельсон произнес:

– Дальше, наверное, и все остальное?

– Я и знать не желаю.

– Может, он жив.

– Что он там делает, если он жив? Да и запах мерзейший.

– Ты не узнаешь, пока не посмотришь.

– Сам смотри.

– Я не могу. Я держу багор.

Дики уставился на руку, размышляя. Он было потянулся, но отдернул руку, затем потянулся снова.

– Давай, приятель, – пробормотал он. – Давай, давай. Будь тихим и мертвым. – Он коснулся края холстины и приподнял ее.

Показался грубый зеленый металлический браслет на запястье, часть предплечья…

– Давай, – нетерпеливо бросил Нельсон. – Он тебя не укусит.

Задержав дыхание, Дики наклонился с кормы, протягивая левую руку, а правой уцепившись за крепительную планку. Его пальцы сомкнулись вокруг безжизненной ладони. Он потянул.

Внезапно рука ожила. Ногти ее впились Дики в запястье, резкий рывок – и рука сдернула его с платформы.

Холстина отлетела.

Тело Дики упало на каноэ, что-то серое просвистела в воздухе, ударив его над левой ключицей. Как у куклы, в ярости разорванной ребенком, голова Дики отвалилась от тела, держась только на тонких ниточках кожи и сухожилий. Воздух рванулся из открытой трахеи, выдувая кровяные пузыри. Нельсон услышал два всплеска, когда голова и тело упали в воду.

Не успел Нельсон отцепить багор, как мужчина из каноэ оказался на борту. Нельсон неистово дернул, пытаясь вытащить крюк, но он прочно сидел в дереве. Он бросил багор и отступил назад, глядя на приближающегося человека, но видел он не его, а лишь топор, с полукруглого лезвия которого капала кровь. Падая на палубу, капли поблескивали в полутьме. Топор повернулся в руке человека, и на Нельсона теперь было обращено сужающееся изогнутое треугольное острие. Последовал выпад, но Нельсону удалось увернуться.

Мельком он заметил – за нападающим, за кормой – что пирога уплывает. Если бы ему удалось оказаться за бортом, если бы он доплыл до пироги, если бы он угреб на ней… куда? Куда угодно. Подальше.

Он сделал ложный бросок влево, и человек, размахнувшись, всадил острие в переборку. Пока он вытаскивал его, Нельсон рванул к корме.

Но было ухе темно, и он не заметил груды картонок из-под спиртного. Нельсон споткнулся о них, поскользнулся на рыбьих внутренностях и, тщетно хватаясь руками за воздух,

растянулся на палубе. И в последнем, бессознательном порыве, он – защищаясь – закрыл голову руками.

* * *

Мануэль взял под мышку две последние бутылки – две кварты арманьяка. Его ноги уже начинало сводить от долгого сиденья на четвереньках, и он поспешил обратно, надеясь выпрямиться еще до того, как ногу сведет судорога. Впереди, в квадрате света, падающего из открытого люка, на фоне бутылок, выставленных в ряд на палубе, появилась тень мужчины.

– И несу последние, мистер Дики. Проповедник прощался со слушателями:

– Что же, собратья, пора и нам здесь сворачивать паруса, в Прибежище Покоя…

Сначала Мануэль почувствовал запах – тяжелую, отвратительную вонь. Запах был ему знаком: нечто подобное он ощутил однажды, когда нашел на соседском поле загрызенного и обглоданного собаками козла. Дойдя до люка, он поднял бутылки, но их никто не взял.

Из-за вони слезы потекли у него из глаз. Он взглянул вверх и увидел ноги.

– … до завтра, когда мы поднимем якорь и вместе двинемся в путь, минуя жизненные мели…

Мануэль застыл. На ковер перед его глазами упала капля крови.

Из-за широкого кожаного пояса рука вытащила орудие, какого Мануэль никогда не видел. Большой палец отвел молот назад, и по телу Мануэля пробежала дрожь. Он закрыл глаза, и за какую-то долю секунды успел услышать щелчок, свист и громкое “бу-у-ум”.

Его отбросило назад, он ударился головой о край люка и скрючился на дне трюма. Он слышал еще звон стекла, ощущал запах алкоголя и серы – и чувствовал, как боль заполняет его тело.

И последнее, что он услышал:

– … помните, собратья, что вам всегда дует попутный ветер, когда капитаном у вас Иисус.

Глава 2

Как обычно, Блэр Мейнард опаздывал на работу. Ему нужно было появиться в конторе в десять, но ночью он не спал до пол-третьего, заканчивая статью для журнала одной из авиалиний. Он мог бы и отложить ее на день или на вечер; будь это какой-нибудь киношный или театральный обзор, или интервью со знаменитостью, по 750 долларов за 1000 или 1500 слов, – он бы так и сделал. Но тема этой статьи заинтересовала его: неподалеку от Багамских островов, под водой, были найдены камни, по виду напоминающие лестницу и мостовую, предположительно доколумбовой эпохи. Его выводы, после того, как он проанализировал все свидетельства, были весьма неудовлетворительными – никто не мог точно сказать, что это за камни. Вероятней всего, такой вид придала им природа, но могло быть и иначе. И исследовать прошлое, попытаться понять, кто мог сделать эту лестницу, было весьма увлекательным занятием.

Но даже если Мейнард и не работал, он всегда находил какой-нибудь предлог, удерживавший его вдали от дома или – от постели. С тех пор, как жена и сын уехали, забрав с собой большую часть мебели, картин, занавесок и ковров, он редко бывал дома. Когда квартира обставлена, когда ее прибирают, она – пусть даже невыразительный набор квадратов, – но в ней все же можно жить. Теперь же, пустая и неухоженная, она походила на пустую клетку, составленную, как казалось Мейнарду, из картонных коробок от рубашек и вертелов.

В первые два месяца после того, как ушла жена, он неделями не ночевал дома. Он ходил в салоны, знакомился с длинноногими девицами, которые слушали его жалобные повествования о квартире, полной невыносимых воспоминаний. После нескольких порций виски и выдуманных рассказов о своей карьере журналиста, он обычно получал долгожданное приглашение.

Но к настоящему времени возникшее после разлуки с женой стремление переспать со всеми существами женского пола в Манхэттене сходило на нет. Какое-то время его приятно возбуждала мысль о том, что он ведет жизнь повесы. Ему нравилось просыпаться в незнакомых кроватях, с женщинами, имен которых он не помнил и аппетиты которых давали полную волю его фантазиям. Но все приедается, и на смену возбуждению постепенно пришла скука. Если бы он стремился поддерживать отношения с одной или двумя из них, у него еще могло бы возникнуть что-нибудь более или менее постоянное. Но он не чувствовал в себе готовности брать на себя какие-либо обязательства по отношению к кому-то – или, возможно, к чему-то. Так что жизнь его была весьма беспорядочной, в том числе и в отношении секса: он просто сталкивался с другим плывущим по течению судном, какое-то время они плыли рядом, а затем расплывались в разные стороны.

Переходя Мэдисон-авеню в месте ее пересечения с Пятьдесят пятой улицей, он взглянув в сторону центра, увидел, как стрелка часов на здании “Ньюсуик” передвинулась с 10:59 на 11:00. Он вошел в здание издательства “Тудей”, обменялся приветствиями с охранником, заведовавшим лифтами, и поднялся на восемнадцатый этаж. Он вышел из лифта, чуть не налетев на женщину, продававшую закуски с тележки фирмы “Шрафт”, как раз когда она собиралась войти в служебный лифт.

Контора Мейнарда располагалась в одном из бесчисленных маленьких помещений, выходящих на Мэдисон-авеню. Двенадцать квадратных футов, стены окрашены в аквамариновый цвет, – здесь было два стола (один для него, другой для его помощницы), две книжных полки, две пишущие машинки, два телефона и шкаф с папками. Единственное украшение стен составляли обложки журналов “Тудей”, где были напечатаны двенадцать его рассказов, написанных за десять лет работы в журнале.

Все эти десять лет он занимал один и тот же кабинет, но, тем не менее, фамилия его на дверях отсутствовала. Когда он был редактором развлекательной рубрики, табличка на дверях гласила: “Развлечения”. Затем там было написано “Спорт”, потом – в течение недолгого времени – “Наука”, и, наконец, – совсем недолго – “Оформление”. А последние три года надпись на табличке гласила: “Тенденции: информация для размышления”. Когда дверь была закрыта – это случалось, когда Мейнард, например, договаривался по телефону о левой работе, на стороне, – то проходивший мимо наивный человек мог предположить, что внутри трудится новый Маршалл Маклюэн с Мэдисон-авеню, или будущий Том Вулф, или, по крайней мере, динамо-машина, держащая “палец” на пульсе популярной социологии. Это наивный человек вряд ли смог бы представить себе редактора журнального раздела “Тенденции” таким, каким он и был, – долговязым тридцатипятилетним типом, который курил “Лаки Страйк”, читал книги по истории и считал Фрэнка Синатру величайшим песенным стилистом за последние четверть столетия. Он продал коллекцию оружия, которую унаследовал от отца, лишь только потому, что ему пригрозили за нее тюрьмой. Он не имел ни малейшего представления – да это его и не интересовало, – в чем разница между “Манки Хасл” и “Пет Рок”.

Правда, одно социальное явление Мейнарда все же интересовало – это была его помощница. Звали ее Дэна Гейнс. Ей было лет двадцать пять, и, по современным стандартам, она была сногсшибательна: высокие скулы, острый, выдающийся нос, светлая кожа и черные волосы, которые на несколько дюймов не доставали до талии. Она всегда была подчеркнуто чистоплотна. Все в ней – кожа, руки, одежда, волосы, запах – было до невозможности чистым. Она была мягкой, скромной, с тихим голосом, интеллигентной и деловой. Ей также очень нравился Мейнард, но отнюдь не в сексуальном плане – просто она питала к нему сестринскую привязанность и заботилась о нем.

Но все эти качества не имели никакого отношения к его заинтересованности в Дэне. Что его в ней захватывало, так это то, что она – единственная женщина (единственный человек) из всех, кого вообще знал Мейнард, – была признанной, практикующей и проповедующей свою веру (хотя и застенчиво) мазохисткой. Она работала у него всего две недели, когда впервые сообщила ему – спокойно, но искренне, – что она сторонник культа боли, и с тех пор она периодически старалась убедить его, что страдание – это истинный путь к чувственному осознанию и самопознанию. Он ни разу с ней не согласился, но был не в состоянии утолить свое любопытство к отдельным сторонам ее жизни. Свои непристойные мечты он оправдывал тем, что это в некотором роде его работа: он должен исследовать всевозможные особенности американских нравов.

Когда он вошел в контору, Дэна занималась его рассказом, – он написал его для следующего выпуска, – проверяя каждый факт и подчеркивая это место красным карандашом, когда ее удовлетворял источник, откуда этот факт был взят.

– Доброе утро, – сказал он, проходя к своему столу. Она подняла глаза:

– С вами все в порядке?

– Само собой. А почему бы д нет?

– Я просто беспокоюсь, когда вы так запаздываете. Я всегда думаю, что с вами могло что-нибудь случится.

– Не беспокойтесь. Самое скверное, что со мной иногда происходит, это когда мне снится кошмар, и я падаю с кровати. – Она улыбнулась. Мейнард отпил глоток кофе и заметил, что на Дэне было платье с высоким воротником и, поверх воротника, еще и шарф.

– А что под шарфом?

Дэна покраснела.

– Ничего.

– Слушайте, вы уже столько раз убивали меня своими речами, что одним разом больше, одним меньше – это, ей-богу, неважно.

Дэна поколебалась, затек сказала:

– Укусы.

– Вы имеете в виду дружеские покусывания? – Мейнард постарался показаться разочарованным. – Время от времени все так делают.

Приняв вызов, Дэна повернула к нему голову и стянула шарф.

– Укусы.

Мейнард увидел четкие проколы от зубов. Он отшатнулся.

– Господи помилуй! Это, должно быть, чертовски больно.

– Еще бы, – Дэна улыбнулась, натянула шарф обратно и вернулась к работе.

Мейнард взял с полки номера "Дейли Ньюс", "Уолл-Стрит Джорнэл", "Кристиэн Сайенс Монитор" и разложил их на столе. "Таймс" он прочитал дома, и теперь просматривал заголовки остальных газет, выискивая возможный материал для использования в разделе "Тенденции". Редактора всегда легче убедить, что стоит написать о чем-то статью, если об этом уже писали где-то в другом месте, хотя бы даже в скобках. На оригинальные идеи смотрели с подозрением – ситуация, которую Мейнард называл Парадоксом Подтверждения: ему платили 40000 долларов в год за то, чтобы он выискивал оригинальные идеи для раздела "Тенденции", но (в этом-то и состоял парадокс), если статья и занимала почетное место в их еженедельнике, то об этом, несомненно, уже говорилось по одной из процветающих, с прекрасным штатом сотрудников, радиостанций или писалось в ежедневных газетах.

Год назад, путешествуя по Флориде, Мейнард открыл, что организация, которая занималась туристическими поездками, включающими подводное плаванье, нарушает все правила подводного спорта, обслуживая клиентов, не имеющих специальной подготовки. Он предложил редактору эту тему, но тот отмел ее, несмотря на то, что двое людей утонули из-за неумения обращаться с аквалангом. Стремясь к тому, чтобы это дело все же не прошло незамеченным, Мейнард передал все свои материалы другу, в газету "Тайме". Когда же эта история появилась, наконец, в "Тайме", редактор упросил Мейнарда написать статью и для "Тудей", используя, естественно, в качестве источника материал статьи в "Тайме".

Мейнард бросил "Ньюс" в корзину для бумаг и перевернул первую страницу "Джорнэл".

Как источник вдохновения для статей раздела "Тенденции", "Джорнэл" был бесполезен. Длинные характерные статьи в первой, четвертой и шестой колонках первой страницы обычно несли материал, касающийся раздела "Тенденции", но они были такими всеобъемлющими, такими исчерпывающими, что еженедельник вряд ли что мог к ним добавить. Мейнарда восхищали эти статьи, и он завидовал репортерам, которые их писали, потому что их иногда отпускали почти на целый месяц для написания одной статьи. "Ридерз Дайджест" мог сжать и напечатать статью из "Джорнэл", но "Тудей" не занимался плагиатом.

Он уже собирался взяться за "Монитор", когда на первой странице увидел маленькую заметку в самом низу колонки "Новости".

"Пропавшие без вести" – гласил заголовок, и дальше несколько строчек: "Получено сообщение, что роскошный спортивно-рыболовный катер, который должен был прибыть на остров Навидад в Карибском море, отсутствует уже несколько дней. "Марита", зарегистрированная на Больших Багамских островах, должна была прийти за капитаном и группой туристов во вторник.

Согласно статистике Береговой Охраны, за последние три года в районе Карибского моря, Багамских островов и побережья залива исчезло 610 судов длиной от 20 футов и больше, так что в общей сложности пропало по меньшей мере 2000 человек".

Мейнард дважды прочитал эту заметку, сосредоточившись на втором абзаце. Как могли 610 судов просто исчезнуть?

Взяв “Джорнэл”, Мейнард прошел через холл к угловому кабинету. Дверь была открыта – Леонард Хиллер, старший редактор, отвечающий за несколько разделов еженедельника, включая и “Тенденции”, препирался с кем-то по телефону. Мейнард остановился было в нерешительности, но секретарша Хиллера сказала:

– Входите. У него просто очередной припадок из-за того, что отвергли обложку с Вуди Алленом.

– Почему?

– Какая-нибудь гражданская война, наверно. Когда Мейнард ссутулился на стуле напротив стола Хиллера, тот поднял брови и надул щеки, изображая разочарование от того, что его планы расстраиваются из-за людей, которых он называл “филистимлянами с семнадцатого этажа”, они же – издатели этого еженедельника.

– Я знаю, что это не смешно! – вопил Хиллер в трубку. – Оно и не должно быть смешно! Этот человек снимает серьезный фильм. Он серьезный артист, вероятно, единственный серьезный артист во всей сегодняшней Америке. – Он сделал паузу, слушая. – А что еще может быть нового? Южная Африка собирается взорваться в течение последних двадцати лет. Кому до этого дело?

Мейнард перестал вслушиваться. Это были обычные разговоры, он слышал их постоянно. Менялись предметы разговоров, но жалобы оставались одинаковыми – материал для задней обложки, над которым неделями работали редактор, журналист, несколько оперативных работников и, вероятно, двое или трое из ведущих, становился жертвой непредвиденного местного или международного кризиса. Редактор задней обложки считал, что кризис был непомерно раздут; редактор по делам национальных (или международных) проблем считал, что текст на задней обложке ни к чему не имеет никакого отношения. Всегда побеждали сторонники суровой и правдивой информации, так как последним, неоспоримым аргументом всегда было: “Мы же еженедельник новостей!”

Хотя Мейнард и недолюбливал Хиллера, он весьма сочувствовал ему. Ему было всего 33 года, и его повысили до редактора – тупиковая ситуация для писателя – через головы людей, на которых он раньше работал. Мейнард дважды отказывался от этого предложения, предпочитая заниматься своей – менее напряженной – работой, и не только в журнале, но и на стороне.

У старших редакторов было много ответственности и мало авторитета, их много ругали и мало хвалили, им нужно было нянчиться с дюжиной хрупких “эго”, которые писали для них, и в то же время умиротворять троицу “эго” олимпийских размеров, у которых они находились в подчинении.

После очередной перестановки кадров, когда Мейнард оказался подотчетным Хиллеру, он постарался установить с ним взаимоотношения, которые не унижали бы достоинство ни одного из них. Но с первого же дня своего пребывания в угловом кабинете Хиллер стал играть роль босса, сочтя себя огромным специалистом во всех разделах новостей, за которые он отвечал. Для Мейнарда Хиллер стал гвоздем в стуле.

– Хорошо, хорошо, – сказал Хиллер в трубку. Он проиграл, но Мейнард и не сомневался, что он проиграет. – Какой тогда объем вам нужен? – Он пробежался карандашом по листку бумаги на столе. – Думаю, что так, но тогда придется выбросить две колонки из раздела “Книги” и… я не могу сокращать “Спорт”. Секунду. – Он поднял глаза на Мейнарда. – У “Тенденций” есть что-нибудь такое, что не может подождать до следующей недели?

Мейнард покачал головой.

– Разве такое когда-нибудь бывает?

– И придется убрать “Тенденции”. Тогда у меня будет восемь колонок для Вуди Аллена. Да… хорошо. – Он повесил трубку и обратился к Мейнарду. – Извини.

Мейнард пожал плечами.

– Что происходит в Южной Америке?

– Еще один бунт в Соуэто. Господи, они там поднимают мятежи почти каждый вторник. Эта обложка будет очередным предсказанием о грядущем Армагеддоне, которое никого не загонит в норы.

– Ты видел это? – Мейнард подтолкнул “Джорнэл” по столу. Заметку о сотнях пропавших кораблей он обвел красным карандашом.

Хиллер просмотрел заметку.

– Ну и что?

– Ну и что? Шестьсот десять судов! Исчезли? Куда они могли провалиться?

– Это опечатка.

– Сомневаюсь.

– Значит, они утонули, – сказал Хиллер. – Мир полон идиотов, которые покупают яхты и, не умея их водить, плывут в такие места, о которых ничего не знают. У моего брата есть большой “Бертрам”, который он купил только для того, чтобы выводить из себя моряков. Я не согласился бы даже проехаться вместе с ним на мопеде.

– Две тысячи людей пропали без вести.

– Пятьдесят тысяч гибнет ежегодно на дорогах. Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Я имею в виду, что поездки по воде стали популярным спортом, или времяпровождением, или индустрией развлечений, назовите как угодно, – сказал Мейнард.

– Так же, как и скейтбординг.

– Да, но две тысячи человек не исчезают во время катаний на скейтбордах. Там что-то происходит, и я думаю, из этого может получиться отличная статья для обложки по разделу “Тенденции”. Как получилось, что корабли стали исчезать? Куда они деваются? Насколько опасно плавать среди этих островов? Что может сделать…

Хиллер перебил его:

– Кстати, об обложке. Ты нашел бабу, чтобы поместить ее на обложку, посвященную осенним модам?

– Вы имеете в виду знаменитость?

– У нас есть основания полагать, что “Ньюсуик” поместит Диану фон Фюрстенберг.

– И?

– И она смотрится весьма неплохо. Я хочу, чтобы ты нашел что-нибудь не хуже этого. Когда человек подходит к газетному киоску, я не хотел бы, чтобы ему пришлось делать выбор между Дианой фон Фюрстенберг и какой-нибудь уродиной. Весь наш тираж провалится в тартарары.

– Ну так раздобудьте Фаррах Фоссет-Мейджерс и упакуйте ее в полиэтилен.

– Это несерьезно, Блэр.

– Леонард, я пытаюсь продать тебе историю, которая, как я думаю, очень важна. Ты же все время требуешь, чтобы я приносил тебе гениальные идеи.

– Да, но еще и развлекательные. Проблем и так много на первых страницах журнала.

– Эта статья дойдет до людей. Это заинтересует огромное число читателей. Здесь есть романтика, ведь все происходит на территории Испанского Мэйна, как раньше называли эти места. Здесь есть серьезные факты – они кажутся таковыми, и в то же время эта история – именно для “Тенденций”.

– Корабли не пользуются спросом.

– Потому что у них нет сисек?

– Забудь об этом. Послушай, эта статья заберет слишком много времени и денег, и всему этому может найтись очень простое объяснение.

– Например?

– Например… не знаю. Это твоя область. “Таймс” когда-нибудь писал об этом?

– Я проверю, – Мейнард напирал, чувствуя, что Хиллер слабеет. – Если там об этом что-нибудь есть, я могу писать статью?

– Запроси бюро в Атланте.

– Ведомство Береговой Охраны находится в Вашингтоне.

– Береговой Охраны? Хорошо, тогда Вашингтон. – Хиллер уже устал от споров.

– Не думаю, что они с радостью пойдут навстречу. Для них это слишком мелко. Ну, да ты это знаешь. Половина из них думает, что они Вудворд и Бернстайн, а другая половина – что они все Уолтеры Липпманы. – Мейнард встал. – Я посмотрю вырезки.

– Не забудь об обложке мод. Мне нужна по-настоящему динамитная шлюха. Как Джеки Биссет в мокрой футболке, но только сногсшибательного фасона.

– Как насчет Дэны Гейнс? – спросил в дверях Мейнард. – Обернутой в хлысты.

На обратном пути Мейнард остановился у библиотеки “Тудей” и выписал подшивки по темам: “Лодки”, “Катание на яхтах” и, после некоторых размышлений, “Пропавшие без вести” и “Исчезновения, таинственные”.

Дэна уже ушла на свои дневные занятия айкидо. Мейнард взял с пишущей машинки записку, бросил библиотечные папки на стол и набрал номер рабочего телефона жены.

– Контора Девон Смит.

– Привет, Нэнси. Это Блэр Мейнард.

– Мистер Мейнард! Приятно слышать! Как вы поживаете?

Этот вопрос секретарша Девон задавала ему каждый раз, когда бы он ни звонил, и каждый раз с одинаковым участием в голосе. Он чувствовал, что на самом деле она хочет сказать следующее: как вы еще ухитряетесь жить без этой чудесной женщины? Вы еще держитесь? Ну не стыд ли, что она вас обскакала? Оставила вас позади?

Мейнарду все время приходилось бороться с соблазном все ей объяснить. Девон его на самом деле не покинула, разве что только технически, или географически. Они без всяких слез и сравнительно дружелюбно согласились расстаться (это расставание через девяносто три дня превратилось в развод). После двенадцатилетнего брака они пришли к выводу, что движутся по разным дорожкам и к различным целям. Фактически, к этому выводу пришла Девон, а Мейнард с ней согласился.

В течение первых нескольких лет у них была общая цель: его успех. Он был ретивым, талантливым и амбициозным репортером в “Вашингтон Трибьюн”, он зарабатывал 10000 долларов в год, жил в квартире на первом этаже в Джорджтауне, и ему нравились каждодневные неожиданность и непредсказуемость работы в Вашингтонской газете. Любая рутинная статья несла в себе потенциальные возможности. Автобусный билет мог превратиться в грандиозный политический скандал, в котором, например, выплыли бы наружу алкоголизм и донжуанство в личной жизни председателя какого-либо могущественного комитета. Заявление какого-нибудь мелкого преступника из “белых воротничков” могло завести прилежного репортера в лабиринт коррупции более высоких “слоев” (до Уотергейта оставались еще годы, но подобные прецеденты случались и раньше).

Собственное нетерпение не позволило Мейнарду усидеть в Вашингтоне. Проанализировав свое будущее в “Трибьюн”, он понял, что если он будет продолжать работать так же хорошо, то через два-три года его наградят газетной сенсацией насчет системы школьного образования в пригородах. К тридцати годам он может стать корреспондентом газеты в округе Энн Арундел.

“Тудей” сманил его из “Трибьюн” зарплатой 15000 долларов в год и ответственной работой – он отвечал за один из главных разделов журнала. Его имя упоминалось в составе редакционной коллегии. Вокруг него и Девон увивались всякие ответственные за связи с общественностью, их приглашали на вечеринки с коктейлем и частные кинопросмотры. Это было головокружительное время для человека, которому только что исполнилось двадцать пять. Если ему уже и не требовалось проявлять свое репортерское мастерство (более половины его статей писали сотрудники), то что в этом плохого? Теперь он был писателем – писателем для журнала новостей, конечно, но он учился писать сжато, сухо, излагая материал быстро и ясно. Они с Девон пришли к мнению, что после того, как он отточит свое искусство, он сможет попробовать написать роман или пьесу. Работа в журнале была восхитительной практикой, но все же это была не карьера.

Однажды, после того как ему стукнуло тридцать, ему в первый раз предложили место старшего редактора. Девон убеждала его согласиться. Это ведь повышение в должности, и зарплата больше, и, что очень важно, это означало перемену. Писать для журнала было уже не так захватывающе интересно; он мог бы написать весь свой раздел за пару часов.

Он с ней не согласился. Стань он редактором, все увеличение в зарплате будет съедено потерей “левого” заработка. У старших редакторов нет времени заниматься свободной деятельностью. Это означало бы крушение всех надежд насчет романа или пьесы. Лучше остаться тем, что он есть, честно получая зарплату за двухдневную (фактически) рабочую неделю, углубляя свой опыт и контакты путем свободного творчества, поглощая идеи, которыми потом можно будет воспользоваться.

Девон была разочарована, но продолжала поддерживать и воодушевлять его, одобряя его “свободные” статьи (потому что этой работой он гордился больше всего), чтобы помочь ему развить сюжет для романа. Она часто обвиняла его в том, что он идет по проторенной колее комфортного выживания. Не раз она говорила ему, что его роман явится воплощением его мечты о свободе и самовыражении, которых он никогда не достигнет.

Их брак начал разваливаться четыре года назад, хотя ни один из них об этом не догадывался. Юстин, их сын, поступил во второй класс школы Аллен-Стивенсон, и впервые в жизни он отсутствовал дома с восьми до четырех. Девон устроилась на работу в рекламном агентстве и, к своему удивлению, оказалась хорошим – а со временем и более того – блестящим – копирайтером[2]. Когда ее начальник и двое коллег бросили это агентство, чтобы организовать новое, они взяли ее с собой. За год она стала главным копирайтером и партнером фирмы. Ее годовая зарплата составила 50000 долларов, не считая премии в половину этой суммы.

Ей нравилось все в ее работе – долгие часы присутствия, спешка с отчетами, путешествия, она любила развлекать клиентов, ей нравилось также и возбуждение от необходимости убеждать публику тратить деньги именно на ее продукцию, а не на продукцию конкурента.

Она построила себе мир, в котором была счастлива, в то время как Мейнард плавал в мире, созданном кем-то другим, и достаточно преуспевал в нем, практически ничего не делая и даже не зная в точности, чего он хочет. У него не было особого стремления к славе, а к знаменитостям он относился с неодобрением: он верил в предсказание Энди Уорола о том, что к 2000-му году каждый в Америке сможет стать знаменитостью за 20 минут. Единственной настоящей его страстью была история. Вероятно, это происходило из-за того, – пришел он к выводу, – что он подсознательно не был удовлетворен настоящим. В своих снах наяву он жил в эпоху открытий (скажем, в конце пятнадцатого – начале шестнадцатого столетия), когда люди делали то, что они делали, только ради того, чтобы делать, путешествовали про-

[2] Человек, в чьем ведении находятся вопросы охраны авторского права.

сто потому, что никто до них в этих местах раньше не бывал, и жили (он вспомнил цитату из книги об Испанском Мейне) “как во сне – свободные от каких бы то ни было обязательств, они мчались по жизни, предаваясь смертельным забавам…”

Его мечта была кошмаром для Девон. Наконец они сошлись на том, что у них разное будущее. Она не стала требовать с него алименты и согласилась на символическую сумму в 500 долларов в месяц на содержание ребенка.

– Прекрасно, Нэнси, – сказал Мейнард. – Просто прекрасно. Девон мне звонила?

– Да, сэр. Она ушла на ленч. Она с ума сойдет, когда узнает, что вы звонили в ее отсутствие.

– Само собой. Чего она хотела? – Он знал, что Девон рассказала Нэнси, в чем дело; без причины она никогда не тревожила, а для Нэнси вряд ли могло найтись что-нибудь такое, чего она не смогла бы качественно передать. Мейнард думал, что на самом деле Девон никуда не уходила и была на своем месте, но она просто не хотела разводить с ним праздные и пустые разговоры. Он понимал, она считала его частью прошлого, и если он еще и не совсем забыт, то все же засунут подальше, в дальний угол кладовки; и его доставали – вместе с детскими рисунками и дневниками времен учебы в колледже – только тогда, когда подкрадывалась ностальгия.

– Она подумала, не смогли бы вы взять Юстина на несколько дней. Ей нужно ехать в Даллас, и…

– Конечно. Прекрасно, – перебил Мейнард. – Начиная с какого числа?

– С завтрашнего дня. На неделю.

– Хорошо. Скажите ему, чтобы автобусом доехал досюда, и… – Он остановился. – Нет, забудьте это. Раздел “Тенденции” на этой неделе закрыт. Я заберу его после школы.

Мейнард повесил трубку и открыл папки, которые принес из библиотеки. Большинство вырезок были статьями из раздела “Тенденции”, начиная с середины 50-х годов, о различных стадиях развития лодочного спорта в США. Там были рассказы о выставках катеров и яхт, о новых открытиях в области ферро-керамических корпусов, о плавучей инфляции, как о средстве борьбы с энергетическим кризисом. Были и короткие заметки об исчезновении или о катастрофе в случае отдельных судов. Но ничего такого, что перекликалось бы со статистикой “Уолл-Стрит Джорнэл”.

Затем он нашел одно упоминание в пакете данных Береговой Охраны. Он мог бы его и пропустить, если бы заметка не упала на пол. Это был бюллетень Береговой Охраны, призывающий яхтсменов соблюдать особые предосторожности, когда они находятся в районе Мексиканского залива, близ Багамских островов и в Карибском море. И, что еще более заинтересовало его, там была ксерокопия служебной телеграммы на 4000 слов, озаглавленной “Смерть в верхних широтах – заря новой, опасной для человека эры”.

Один раз он прочитал ее быстро, второй раз – внимательно, подчеркивая строчки при чтении, а затем пошел через холл в кабинет Хиллера. Дверь была закрыта.

– Он редактирует, – сказала секретарша Хиллера.

Мейнард кивнул ей и открыл дверь.

Хиллер, сгорбившись за столом, вписывал изменения на полях и между строками статьи. Он поднял глаза, возмущенный тем, что его прервали, но, увидев Мейнарда, улыбнулся и сказал:

– Маргарет Трюдо.

– Что?

– Для обложки. Она динамитна! Хорошо свинчена и хорошо сложена. Она естественна.

– Ну что ж…

– Подумай об этом. Я от тебя больше ничего не прошу.

– Слушай, я кое-что раскопал по этому делу с кораблями. В вырезках. Исчезновений было действительно шестьсот десять – а к настоящему времени даже больше, эта статья годичной давности. Никто не знает почему. Береговая Охрана считает, что пятьдесят из них могли пойти ко дну – знаешь, сломались и утонули. Еще полдюжины или дюжина, они знают, были похищены.

– Как это?

– Очень просто. Скажем, мамаша и папаша собрались в круиз. Они могут справиться с лодкой во внутренних водах, но, добравшись до Флориды, они хотят плыть дальше, в Карибское море, и им нужны помощники. Они где-нибудь останавливаются и нанимают команду – одного, или, может быть, двух типов, которые объявляют, что будут работать бесплатно, если их довезут до какого-нибудь острова. Через пару дней после того, как они выйдут из Флориды, они убивают мамашу и папашу, бросают их за борт и забирают судно.

– Для чего?

– Есть две причины. Они могут отправиться на север и продать судно, подделав бумаги, в которых будет написано, что они его купили, или же могут передать кому-нибудь, кто поменяет номера и документы на него и перепродаст это судно. Даже если они получат одну пятую его стоимости, это будет десять-пятнадцать тысяч долларов. Или же они перегоняют корабль на юг и используют его для перевозки наркотиков из Колумбии. Их называют “кузнечиками”. Какой-нибудь грязный старый колумбийский корабль никогда не проникнет без досмотра в порт Восточного побережья, но чистый, зарегистрированный в США, когда он возвращается домой, – его никто и не остановит. После этого судно отводят от берега, пробивают дно, возвращаются в шлюпке на берег и ждут следующего дурака.

– Наркотики меня утомляют, – сказал Хиллер.

– Здесь дело не только в наркотиках, – настаивал Мейнард. – Это касается примерно дюжины судов. Ну, пусть будет сотня! Прибавьте их к тем пятидесяти, которые, по их мнению, тонут сами по себе, и все равно остается более 450 кораблей, которые просто исчезли. Пропали!

– Бермудский треугольник, – ответил Хиллер. – Их забрал снежный человек.

– Леонард, – Мейнард поборол желание выругаться. – Что бы это ни было, это нарушает морскую этику. Никто уже больше не помогает попавшему в беду судну, потому что боятся, что их захватят, или там Бог знает что. Яхта с двумя детьми на борту утонула на виду у трех рыболовных судов в прошлом июле, потому что никто не хотел им помочь.

– Ив чем же тут дело?

– Я не знаю. Единственное, что я прошу, это дай мне возможность поинтересоваться.

– Я же тебе говорил: пошли запрос.

– Что с этого толку?

Хиллер ничего не ответил. Он уставился на Мейнарда, откинулся на спинку стула и, сделав из пальцев пирамиду, втянул воздух между зубов.

“Он старается быть похожим на Кларенса Дэрроу”, – подумал Мейнард.

Все еще не говоря ни слова, Хиллер встал, прошел через комнату и закрыл дверь. Вернувшись обратно к столу, он угрюмо бросил:

– Думаю, сейчас случай не более скверный, чем любой другой, – он снова сел.

– И что же?

– Ты не думаешь, что тебе пора успокоиться?

– Что ты имеешь в виду?

– Обрести внутренний покой.

– В каком отношении?

– В отношении того, что ты здесь делаешь.

– Я зарабатываю себе на жизнь.

– А в обмен на это?

– Делаю свою работу.

– Я согласен, – сказал Хиллер, – но не больше того.

– Что же ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты выказал что-нибудь особое – энтузиазм, устремленность.

– Ты хочешь, чтобы я с энтузиазмом отнесся к осенним модам? Ты хочешь, чтобы я посвятил себя теннису по телевизору, игровым автоматам?

– Блэр, послушай… – Хиллер помолчал. – Господи, это, может быть, звучит как назидание, но все же послушай. Каждый со временем должен прийти к соглашению с самим собой, когда он себе скажет: “Вот это я умею делать хорошо, так что я стану Президентом Соединенных Штатов или получу Пулицеровскую премию. Или – буду самым лучшим журналистом журнала новостей”. Или что угодно другое.

– М-да. Я все еще ищу это “другое”.

– Ты нашел это, и ты это знаешь, но не хочешь себе в этом признаться. Ты знал это и раньше, – когда отказывался от этого места. – Хиллер хлопнул ладонью по столу. – Ты журналист журнала новостей. Это ты умеешь делать хорошо, и это все, что ты вообще умеешь делать хорошо. Может быть, через десять лет ты победишь на конкурсе и станешь кинозвездой, но…

– Мейнард перебил его:

– Ты имеешь в виду, что я посредственность, и должен с этим смириться.

– Нет! Я имею в виду, что ты нашел дело, которое можешь делать хорошо, и ты должен быть доволен, что бы это ни было. Не пытайся прыгнуть выше головы. Ты все перевернешь с ног на голову.

– Да. Я даже могу растерять зубы. – Мейнард встал. – Я еду в Вашингтон.

– А что там, в Вашингтоне?

– Парень из Береговой Охраны, который интересовался этим делом о пропаже судов. Его сняли с работы и поставили заведовать кучкой маяков. Его прозвали “Торговец страхом”. Я хочу с ним потолковать.

Хиллер сказал:

– Именно ты мне говорил, что эти типы из бюро считают себя Вудвордом и Бернстайном. А ты на кого стремишься быть похожим?

– Сейчас конец недели. Я могу делать, что хочу.

– Хорошо. Но подумай о том, что я тебе говорил, ладно?

– Ты имеешь в виду, смириться с тем фактом, что я неудачник?

– Блэр, Бога ради… Мейнард двинулся к двери.

– Я, может быть, и неудачник, Леонард, – сказал он, – но если я и сяду задницей в лужу, я хоть смогу устроить большой всплеск.

Глава 3

Они плыли вместе, как ради безопасности, так и за компанию. Они были компаньонами в учетной фирме в Монтклэре, штат Нью-Джерси, один – специалист по налогам, другой – по ревизиям отчетности. В Уортоне они жили в одной комнате, бухгалтерскому делу учились в одной и той же фирме, и работали вместе в течение 25 лет. Их яхты были построены одним и тем же человеком по одному и тому же проекту: одна мачта, которая могла нести грот и стаксель; две комфортабельных койки посредине и две поменьше – ближе к носу; сухой кокпит; простой, но надежный вспомогательный двигатель; великолепные средства связи. Единственное различие между яхтами “Пенцанс” Барта Ласло и “Пайнафор” Уолтера Бургиса состояло в высоте потолков. Жена Барта, Белла, была шести футов ростом, в то время как и Эллен, и Уолтер Бургис были не выше пяти футов и десяти дюймов.

И Бургисы и Ласло плавали вместе каждый отпуск, начиная с 1965 года. Они неделями обсуждали маршрут, изучали портовое обслуживание – где можно найти лед, воду и топливо, где есть открытые для публики души, где расположены приличные рестораны, – планировали отклонения от маршрута ради посещения исторических мест. Они по возможности старались предусмотреть все.

В этом году они решили воплотить в жизнь свою давнюю мечту – проплыть от Майами до Гаити, через Багамские острова. В качестве особого средства предосторожности на каждом судне было ружье 12-го калибра с пятьюдесятью патронами, начиненными крупной дробью; ружья были разобраны и спрятаны в запирающихся шкафчиках с едой, когда они проходили таможню на Багамах.

Дважды – один раз на Эльютере, другой раз на Крукед-Айленд – к ним обращались бродяги с пристани, молодые, чрезмерно очаровательные американцы, которые умоляли, чтобы они отвезли их на юг (куда угодно, только южнее), а за это они были готовы выполнять любую работу. Но и Ласло, и Бургисы читали предупреждения. Береговой Охраны, и отказали.

Весь день ветер дул с востока, с постоянной скоростью в десять узлов, и не было никаких оснований полагать – судя по радиопрогнозу, по небу и по самому ветру, – что он в ближайшее время изменится. Поэтому “Пенцанс” и “Пайнафор” медленно плыли на юго-восток вдоль западного побережья низкого острова в поисках удобного места для стоянки.

Этого острова не было на картах Гидрографического центра Министерства Обороны, но подобные упущения их давно уже не удивляли. В этих местах карта – весьма ненадежный спутник: мели появлялись там, где их не должно было быть; глубоководные каналы разделяли острова, которые, судя по карте, были одним островом; маяки, указанные на картах, представляли собой кучки развалин; “подводные рифы” оказывались целыми островами, а острова, имевшие названия, оказывались линией бурунов. Работа штурмана велась по принципу “Имеешь то, что видишь”. Вследствие этого Ласло и Бургис никогда не плавали в ночное время.

Сидя за штурвалом своей яхты, идущей в ста футах впереди “Пайнафора”, Ласло осматривал скалистый берег. Остров был примерно в полмили длиной, десятифутовые утесы поросли кустарником, колючками и сизалем – тропической агавой. Ласло лениво отметил, что листья сизаля были оборваны и теперь нарастали по-новому. Здесь, должно быть, когда-то заготавливали сизаль – из него делались веревки. Но, хотя Ласло и не мог окинуть взглядом внутренность острова (если таковая имелась), можно было не сомневаться в том, что теперь остров заброшен. Там никто не жил. Там никто и не мог жить, кроме птиц. И насекомых…

– Ты бы лучше достала репеллент, дорогая, – сказал Ласло, – боюсь, что вечером будет много насекомых.

– Но ты же не будешь сходить на берег, – возразила Белла, указывая на безлюдную местность, – только не туда.

– Нет, но здесь слишком глубоко, чтобы можно было бросить якорь. Нам придется подойти к берегу. А ты же знаешь, какие радары у этих крылатых дьяволов.

Ласло заметил разрыв в линии утесов. Он снял с переборки микрофон.

– Уолтер, там есть залив. Я направляюсь туда.

– Хорошо, – послышался голос Бургиса. – Здесь, конечно, невозможно бросить якорь. Я его ни за что не вытащу.

Приблизившись, Ласло увидел перед собой небольшую гавань ярдов сто в ширину, углублявшуюся в сушу ярдов на двести. В дальнем конце он заметил ржавые колеи, поднимавшиеся по берегу к зарослям агав.

– Это чтобы возить тележки с сизалем, – сказал он, предупредив вопрос Беллы. – Здесь, вероятно, его грузили на корабль.

Пока Бургис ждал у входа в гавань, Ласло ставил “Пенцанс” на якорь. Он завел мотор, чтобы отвести судно в безопасное место: сейчас был прилив, и судно развернулось кормой к берегу. Но через несколько часов прилив ослабнет и начнется отлив; яхтам потребуется много места, чтобы поворачиваться вместе с течением. К утру их развернет кормой к морю.

Как только судно оказалось под ветром, на них напали насекомые – москиты-камикадзе, крошечные черные комары, укусы которых не чесались и не зудели, но зато оставляли потом болезненные рубцы. Ласло снял темные очки и часы (яд этих насекомых разъедал пластмассовые линзы, они сначала мутнели, а затем, через несколько недель, покрывались трещинами и рассыпались на куски), и жена опрыскала его репеллентом – от пробора в волосах до подошв.

“Пайнафор” встал на якорь со стороны кормы “Пенцанса”. Супруги Ласло подтянули резиновую лодку “Зодиак”, привязанную к корме их судна, забрались в нее и поплыли по течению к “Пайнафору”. В то время как Уолтер Бургис смешивал мартини, Эллен и Белла разожгли уголь в хибати, очаге, устроенном на корме “Пайнафора”.

Когда они ели бифштексы с консервированным petits pois[3]. наблюдая за заходом солнца, вода за кормой вскипела от мечущейся, прыгающей, кормящейся рыбы.

– Щуки, – сказал Бургис.

– В самом деле? – спросил Ласло. – Откуда ты знаешь?

– Он не знает, – сказала Эллен Бургис. – Для него все, что в воде, это щуки, а когда он купается и они его кусают, тогда это акулы.

– Это не так, Эллен, – возразил Бургис. – У меня, действительно, есть некоторое… э-э, уважение… к людоедам. Можешь назвать это патологическим страхом, если хочешь. А эти очень характерно махают хвостовыми плавниками, почти так же, как наши щуки. – Он улыбнулся. – Видишь ли, даже такие педанты, как я, иногда знают, о чем говорят.

Ласло покончил с едой и, сполоснув тарелку, вылил воду за борт.

– Я, конечно, понимаю, ихтиологический симпозиум – это здорово, – сказал он, – но, думаю, пора спать. Назавтра у нас большие планы. Кто хочет дежурить первым?

– Как, и здесь надо нести дежурство? – жалобно спросила Белла Ласло. – Погода хорошая, бурь не предсказывали, и никакого оживленного движения здесь нет.

– Мы сами выработали правила, – ответил ее муж, – и должны им следовать.

– Но что может произойти?

– Перемена ветра, внезапный шквал, что угодно.

---

[3] Зеленый горошек (франц.).

– Даже браконьеры, – добавил Бургис. – В книге написано, что везде от Гаити до Кубы можно встретить браконьеров, которые ловят омаров. Хотите верьте, хотите нет, но они могут забраться на судно и обчистить его целиком, пока ты спишь.

– У нас нет ничего такого, что им могло бы потребоваться.

– А нам неизвестно, что им может потребоваться. Но что им точно необходимо, так это репелленты от насекомых, и они могут убить за одно прысканье.

– Это основной морской закон, – сказал Ласло. – Мы каждую ночь несем дежурство, даже в портах, и просыпаемся живыми и здоровыми. Какой смысл нарушать традиции? – Он подтянул "Зодиак", прыгнул в лодку и держал ее рядом с бортом "Пайнафора", пока в нее не забралась Белла.

Оттолкнувшись в сторону "Пенцанса", они услышали слова Бургиса:

– Сейчас восемь тридцать. Эллен будет дежурить с десяти тридцати, а в пол-одиннадцатого разбудит тебя, Белла.

Белла помахала рукой.

Бургис перевернул хибати, высыпав угольные брикеты за борт. Он смотрел, как щуки окружили упавшие кусочки, поплавали вокруг них и, заключив, что угли несъедобны, уплыли во тьму. Он спустился вниз и вернулся с "ремингтоном", который зарядил тремя патронами.

– Ты действительно думаешь, что это необходимо? – спросила жена, вытирая посуду.

– Если ты стоишь на часах, так и стой на часах. Иначе какой смысл дежурить?

На небе не было облаков, которые могли бы отражать свет, поэтому, как только солнце опустилось за горизонт, небо быстро потемнело.

Эллен Бургис взглянула на часы.

– Ну что же…

– Можешь попытаться. Лучше хоть как-нибудь поспать, чем вообще не спать.

– Хорошо. – Она сошла вниз и закрыла занавеску в дверном проеме.

Бургис взял с собой чемодан, полный книг. Дома у него едва хватало времени, чтобы читать что-то еще, кроме ежедневных газет и торговых журналов, так что в течение года он откладывал на отпуск кучи книг. Они все были в мягких обложках, занимали не много места, и их можно было выкидывать с легким сердцем. Бургису нравилось, что он может бросить чтение не понравившейся ему книги, прочитав не более двадцати-тридцати страниц, и швырнуть ее в море. "Загрязнение окружающей среды прозой", – счастливо бормотал он, наблюдая, как промокшая книжка барахтается в кильватерной струе "Пайнафора".

Он сел на корме, положив рядом ружье, и при свете небольшого фонарика стал читать "Драконы Эдема".

Ночь была полна звуков: на берегу беспорядочно кричали и ухали птицы, в воде плескалась рыба, а на судне, внизу, слышалось сопение Эллен.

Бургис услышал всплеск неподалеку – негромкий, но потяжелее, чем всплеск рыбы. Он с любопытством посветил туда и увидел расходящиеся круги, как будто там что-то упало. Возможно, рыба выскочила из воды целиком и нырнула обратно. Он вернулся к Карлу Сагану и функциям правого полушария мозга.

Внезапно ему показалось, что корма опустилась – чуть-чуть, всего на несколько дюймов. Бургис повернулся, но еще до того, как его глаза успели приспособиться к темноте, вокруг его шеи обвилась тонкая веревка, которая перерезала все, кроме кости.

Когда его тащили спиной вперед и выбрасывали за борт, Бургис не чувствовал боли. Мгновенное недоумение, ощущение, что произошло что-то плохое, и – все.

Мужчина стоял на кокпите и слушал. С него капала вода. Он услышал похрапывание и отвел занавеску, закрывавшую дверной проход.

Эллен Бургис лежала на спине, укрывшись простыней, и глубоко дышала носом. Капля воды упала на ее лицо, в носу зачесалось. Она пошевелилась.

– Уже? – Эллен посопела носом, чтобы его прочистить, и ощутила Запах соленой воды, и еще… какой-то ужасный запах, как будто бы в трюме лежала мертвечина. Кто-то стоял возле нее, между койкой и дверным проемом, загораживая собой звезды.

– Уолтер?

– Прочтете молитву, мадам?

– Уолтер?!

Она попыталась сесть, но чья-то ладонь прижала ее голову к подушке. Перед глазами мелькнула тень.

Человек повернулся, чтобы уйти. Эллен протянула к нему руку и попыталась было заговорить – и только тогда поняла, что у нее перерезано горло.

На корме мужчина подобрал ружье и осмотрел его, поворачивая, со всех сторон. Система перезарядки была ему незнакома. Он подергал затвор, отвел его назад, вздрогнул, когда патрон выскочил из патронника и, крутясь, полетел в воду. Заглянув в патронник, он сосчитал оставшиеся патроны и закрыл затвор.

Держа ружье высоко в правой руке, он соскользнул с кормы и, работая, как ножницами, своими промокшими, обернутыми в шкуры, ногами, тихо поплыл по направлению к “Пенцансу”.

Спустя несколько минут два выстрела разнеслись над тихой водой и эхом отразились от утесов на берегу.

Глава 4

– Ой! – Юстин поднял глаза от журнала “Американский стрелок”. – Мама меня убьет!

Мейнард, сидя рядом с ним, ближе к проходу, закрыл папку, в которой были собраны все вырезки из “Тудей”.

– А что ты натворил?

– Мой урок игры на фортепиано. Я про него забыл.

– Когда?

– В двенадцать часов каждую субботу. Мейнард посмотрел на часы.

– Сейчас только девять сорок. Мы позвоним твоей учительнице из аэропорта. Она не будет сердиться.

– Это “он”. Мистер Яновски. Он не верит оправданиям.

– Он поверит мне. Я скажу ему, что у тебя тяжелый случай высыпания веснушек. – Мейнард улыбнулся своим воспоминаниям. – Я воспользовался таким предлогом, когда работал в “Трибьюн”, – у меня было ужасное похмелье. Сработало. Редактор решил, что у меня рак.

Но Юстин не успокоился.

– Ей все равно придется ему заплатить.

– Я ему заплачу, хорошо? Договорились?

– Не знаю, – Юстин покраснел. – Мама говорит, что твои чеки банк возвращает не оплачивая.

– Ах, она так говорит? Один дурацкий чек ничего не означает. Я заплачу твоему учителю, и этот чек будет в порядке. Идет?

– Идет.

– Хорошо. – Мейнард нахмурился. – Она не должна говорить тебе такие вещи.

– Она говорит, что плохой пример – это лучшая проповедь. Мейнард громко рассмеялся.

– Ну, вообще-то, “хороший пример – это лучшая проповедь”. Это сказал Бенджамин Франклин.

– Я не знаю. Но так не подходило.

– Куда не подходило?

– К фразе, которую она сочиняла.

– О том, что слишком толстый волос упадет и пропадет в канаве без следа… – Мейнард снова рассмеялся.

– Что?

– Это “Гамлет”. Его известная речь о ненужности волос.

– Что такое “Гамлет”?

– Пьеса. Скоро узнаешь.

Юстин вернулся к “Американскому стрелку”.

– Слушай, у нас ведь такой был! – он показал на фотографию револьвера системы “Кольт-Фронтиер”.

– Да. Редкость, кстати. Калибр тридцать два – двадцать[4]. Помнишь, как блестела кобура? Этой коже было лет сто.

[4] Ввиду того, что американское обозначение калибров имеет свои особенности и формальный перевод из дюймовой системы в миллиметровую часто является приблизительным или условным, здесь и далее сохранено обозначение калибра в сотых долях дюйма.

– Здесь пишут, что “кольты” одинарного действия стреляли неточно. Очень мала была вероятность попадания.

– Им и не нужно было точно стрелять дальше двадцати футов. Тогда сражались, находясь довольно близко друг к другу.

– А как же в случае перестрелки? Ну, когда бросаются друг на друга?

– Я готов поспорить, что такого и десяти раз за десять лет не происходило. Если дело доходило до стрельбы, они убивали Друг друга любым доступным им способом. В спину, из-под стола, из-за двери.

– Это нечестно.

– Никто и не собирался делать что-то честно. Суть была в том, чтобы покончить с этим как можно быстрее, и уйти живым и невредимым. – Мейнард помолчал и посмотрел на сына. – Не бывает таких драк, которые бы имели хоть какой-то смысл, Юстин. Если ты попадаешь в драку, единственное, к чему ты должен стремиться, это закончить ее. А о “честности” пусть заботится противник.

Загорелся знак “Пристегнуть ремни”, и стюардесса объявила по интеркому, что через несколько минут они приземлятся в Национальном аэропорту.

– Как хотелось бы еще пострелять, – сказал Юстин. Вплоть до прошлого года, когда родители Мейнарда переехали в Аризону, Мейнард и Юстин часто проводили выходные дни в Пенсильвании, на небольшой ферме, принадлежавшей отцу Мейнарда, Грэмпсу, и развлекались там стрельбой. Во время Второй мировой войны Грэмпс был чемпионом Военно-Морских Сил по стрельбе, а во время войны с Кореей он испытывал оружие для Пентагона. Его каменный дом, постройки восемнадцатого века, был напичкан военными редкостями – от мушкета времен Иакова I с его монограммой до заряжавшегося с казенной частя кремневого ружья Фергюсона, пережившего битву при Кингз-Маунтин во время Английской Революции, и до редкого образца (Юстин его любил больше всего) многофункциональной штурмовой винтовки Стонера, которая превращает современного солдата в целый батальон солдат. Они прекрасно проводили там время – в тепле и уюте, радостные и возбужденные.

– Мне тоже, – сказал Мейнард, – как-нибудь постреляем.

– Когда? – Юстин смотрел на него, стремясь добиться какого-нибудь обещания.

Но Мейнард ничего не мог обещать.

– Не знаю, – он заметил, как мальчик разочарованно отвернулся. – Слушай, а помнишь, как мы стреляли тогда из мушкета? Ты здорово стрелял.

– Я выбил три очка.

– Да, но… – Зря он об этом заговорил. Мейнард вспомнил, что ствол был таким длинным, что Юстину пришлось держать его под рукой, вместо того, чтобы прижать к плечу. – Я тоже сначала выбил три очка.

– Да, но во второй раз – девятнадцать. Самолет снизился, подпрыгнул и замедлил скорость после того, как были опущены закрылки.

– Ты решил, куда хотел бы сходить?

– В это новое место – музей Авиации и Космонавтики, по-моему, оно так называется. Ты сказал, что тебе надо часа два.

– Около того. Но не тревожься, если я немного задержусь. И, Бога ради, не уходи от этого здания.

– Папа… – В голосе Юстина звучал упрек. Его рассудительность и зрелость подверглись несправедливому сомнению.

– Извини.

– Чего я все же не понимаю, так это почему ты не мог поговорить с этим типом по телефону.

– Телефон не совсем подходит для того, чтобы знакомиться с людьми. По телефону ты не сможешь им понравиться, они не смогут тебе довериться. А мне нужно, чтобы этот человек мне поверил.

– Зачем?

– Потому что я хочу, чтобы он рассказал мне то, о чем ему приказано не говорить. Я думаю, он однажды уже об этом рассказывал, и тем испортил себе карьеру.

– Тогда он больше об этом не будет говорить.

– Может быть, но я надеюсь, что будет. Надеюсь, что он разозлен.

* * *

В аэропорту они взяли такси. Мейнард высадил Юстина у Смитсоновского музея Авиации и Космонавтики, вместе с номером телефона вашингтонской редакции “Тудей”, “на случай, если музей сгорит или там еще что-нибудь”. Затем Мейнард дал шоферу адрес: рядом с вашингтонским собором.

Когда такси ехало по Рок-Крик-парквэй, Мейнард освежил в голове вопросы, которые он собирался задать Майклу Флорио, служащему Береговой Охраны, которого перевели на другую работу после того, как он заинтересовался исчезновениями судов. По телефону Флорио был с ним осторожен. Сначала он отказался говорить и настоял на том, чтобы перезвонить Мейнарду через коммутатор еженедельника “Тудей”. Это был старый, но надежный прием, позволявший убедиться в том, что звонивший – именно тот, за кого себя выдает, – или, по крайней мере, что он работает там, где и говорит. Потом Флорио завел обычную бюрократическую песню: он точно не знает, почему его перевели на другую работу; людей все время переводят на другую работу; он сделал то, что ему было приказано.

Ни один из этих ответов не удивил Мейнарда. Флорио оставалось несколько лет до пенсии. Зачем ему было рисковать своей пенсией – только ради того, чтобы увидеть свое имя напечатанным в журнале?

Такси повернуло с Коннектикут-авеню и поехало вверх по Тридцать четвертой улице в тихий, заросший кустарником район, со старыми домами средних размеров и средней стоимости. Водитель остановился перед серым оштукатуренным зданием с покривившимся деревянным крыльцом.

Майкл Флорио выглядел лет на сорок пять, живот у него был плоским; он, очевидно, держал себя в хорошей физической форме. Волосы коротко пострижены, белая футболка, а руки и лицо были покрыты тонкой белой пылью. Вокруг глаз – следы от защитных очков.

– Я рад, что вы согласились со мной встретиться, – сказал Мейнард.

– М-да, – Флорио пропустил его в коридор и закрыл дверь. – Хотите пива?

– Спасибо.

Флорио провел его на кухню в задней части дома. Мейнард догадался, что он живет здесь один, так как на кухне невозможно было готовить – она была превращена в мастерскую. Круглый стол был завален борами, резцами, крошечными молоточками и кусками слоновой кости; к краю стола привинчены тиски. Полки были забиты резными изделиями – китами, акулами, рыбами, птицами и кораблями.

– Отличные штучки, – заметил Мейнард.

– Да. – Флорио достал из холодильника две банки пива. – Потом мне пригодится любое ремесло. Я не смогу двадцать лет просидеть на крыльце, глядя, как заходит солнце. – Он протянул Мейнарду банку пива и сказал: – Я не даю интервью.

– Я так и понял.

– Что бы я ни говорил… я имею в виду, если я что-нибудь скажу… это не для записи.

– Прекрасно.

– Серьезно? – Флорио был удивлен. Мейнард отпил пива.

– Не примите это за оскорбление, но меня интересуете совсем не вы.

– Отлично. Я не хочу, чтобы кто-нибудь интересовался мною. Ну их всех к черту.

– Я не хочу вас подводить. Я не буду упоминать вашего имени, если вы этого не хотите.

– Именно так. – Флорио расслабился. Он сел и жестом указал Мейнарду на стул. В тисках была зажата полуобработанная голова орла, и Флорио не отводил от нее глаз.

Мейнард указал на орла:

– Пусть мое присутствие вам не мешает.

– Отлично. – Флорио допил пиво, надел защитные очки и набросился на орла, зажав между пальцами тонкий резец. – Знаете, они до сих пор мне звонят.

– Кто?

– Родственники пропавших без вести. Они знают, что это меня очень тревожило, – так оно и было, – и думают, что я смогу им чем-то помочь. Я не могу, но они считают, что могу. Это ужасно – знать, что они все еще на что-то надеются.

– А кто-нибудь может? Помочь, я имею в виду. Флорио покачал головой.

– Самое скверное в том, что нет никаких свидетельств – ничего; это вам не Уотергейт. Это просто… – Он поднял глаза. – Не знаю, что это такое. Похоже на слова Береговой Охраны: “Если мы сможем найти вас без труда, то найдем. Если же не сможем, то дело плохо. Если вы сообщите нам по радио, что попали в беду, мы из кожи вон вылезем, чтобы вам помочь” – и, скажу я вам, они волшебники, когда берутся за дело, – “но если вы исчезнете бесследно – что ж, скатертью дорога”. Они полицейские, действующие по сигналу, а не бюро поиска пропавших людей.

– Шестьсот десять судов! Должен же быть хоть какой-то ответ.

– Вот именно, целая куча. Некоторые из ответов вы знаете, вы мне их перечислили по телефону. Есть и другие: плохо построенные суда водят туда, куда не надо; люди, бывает, сами топят свои корабли, чтобы получить страховку, и сами тонут – до того, как их могут спасти; причуды погоды. Один там, другой здесь, это все хорошие объяснения. Но вы правы – более шестисот! И сколько еще, никто не знает. Возьмите “Мариту”, это случилось прямо на днях. Вот и хороший, и плохой пример, кстати.

– Как это?

– Хороший, потому что это было крепкое судно, отлично построенное, его держали в отличной форме, его водил первоклассный капитан, в его команде были профессионалы. Она утонула – если она утонула – в совершенно тихий день, и пропала вся команда. Я вам говорю, в таких условиях и ребенок мог дня три на ней плавать, и ничего бы не случилось. А плохой пример, потому что она была зарегистрирована на Багамских островах, и Береговой Охране наплевать, что бы с ней ни случилось.

– А есть хоть какие-то объяснения?

– О, конечно. Считают, что она или натолкнулась на риф и затонула, или же взорвался один из двигателей. Но вам нужно очень постараться, чтобы взорвать дизельный двигатель, и даже если вам это удастся, везде будут разбросаны обломки. Но никаких обломков не было. А если она нарезалась на риф и утонула, почему никто не добрался до берега? Они говорят, акулы. Тьфу! – Флорио взял зубной бор, включил его, и, затаив дыхание, стал осторожно обрабатывать глаз орла.

Он сдул костяную пыль с обрабатываемого места и продолжил:

– “Банши” – это пример получше. Она была зарегистрирована в Уилмингтоне и принадлежала парню, который сделал состояние на кедровой дранке. В течение месяца они ловили рыбу, болтаясь между Пуэрто-Рико и Гаити, и старались выловить марлиня рекордного веса. Владелец полетел домой из Порт-о-Пренса, а капитан повел судно назад. По радио он сообщил в Маягуану, что прибудет туда к вечеру. После этого его уже никто не слышал,

и никто никогда не видел судно. Хорошая погода, двое помощников, которые плавали с ним в течение пятнадцати лет, никаких посторонних пассажиров на борту. В Береговой Охране подумали было, что капитан похитил ее и сбежал в места неведомые. Но вы посмотрите: он зарабатывал тридцать тысяч в год, плюс половина оплаты чартерных рейсов, когда владельцу судно не требовалось, плюс бесплатное обучение в частной школе для троих его детей, плюс дом в Форт-Лодердэйле. Господи, он мог уехать хоть в Палау и все равно не найти таких условий.

– Каков же ваш ответ… для каждого из этих судов?

– У меня нет ответа. Возможно, они занимались наркотиками. Оба эти судна быстроходные, могут без дозаправки пройти тысячу миль или больше. Они бы очень пригодились "кузнечикам". Но я точно знаю, что у капитана "Банши" было оружие, так что я не верю, что его судно могли захватить. Но даже если так – если оба они были похищены – остается шестьсот девять других. Такова статистика, похожая на статистику учета населения, – каждые несколько минут кто-то играет в ящик. Говоря по правде, я не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь сможет узнать, что случилось с этими кораблями. Или хотя бы с половиной из них.

– А почему бы и нет?

– Еще пива?

Флорио начал с простых объяснений: невозможность патрулировать огромные пространства открытого океана, невежество и безалаберность нового поколения моряков, непонятные возмущения магнитного поля, из-за которых компасы и радио становятся бесполезными, внезапное буйство погоды, полная мощь которой все еще оставалась в области догадок.

– Вы слышали о бродячих волнах? Некоторые называют их сверхволнами.

– Нет.

– Волны обычно перемещаются группами, последовательностями, с различными расстояниями между гребнем и впадиной. Часто группы попадают в резонанс. Три-четыре волны объединяют свои гребни и впадины. Получаются чудовищные волны. Они бывают высотой до ста, а то и до ста пятидесяти футов, и они появляются ниоткуда. Они существуют всего около минуты – группа быстро разваливается на отдельные волны, и все. Но представьте себе танкер, спокойно плывущий по воде глубиной двадцать футов. Внезапно прямо перед ним возникает ревущая, несущаяся на него со скоростью пятьдесят-шестьдесят миль в час, десятиэтажная стена черной воды. Провал перед такой волной часто бывает больше длины самого танкера, так что он оказывается падающим прямо вниз, а гора воды – миллионы и миллионы тонн воды – падает на него.

– Она разносит их на части?

– Некоторые из них. Другие не могут замедлить свое движение. Они съезжают прямо вниз. Океан глотает их. – Флорио отхлебнул пива и, порывшись в барахле на столе, нашел небольшой резец в виде ложки. – Кроме того, бывают и столкновения.

– Но о большинстве из них сообщается.

– Вы так думаете? Пару лет назад в Лонг-Бич, в Калифорнии, прибыл танкер. Он легко проплыл весь путь с Востока, все было прекрасно. Один из местных работников спросил: "Что с вашим якорем, капитан?" "Что вы имеете в виду?" – не понял капитан. "А вы посмотрите", – отвечает парень. Капитан сходит на берег, осматривает нос, и замечает, что на его правый якорь намотан полный комплект парусов и такелажа.

– И они ничего не ощутили? Не слышали никаких криков?

– Что ощутили? Стотридцатитысячетонный корабль, движущийся со скоростью двадцать пять узлов? Он ничего и не почувствует, он ничего и не увидит, и не услышит – даже если у него есть видеорадары, у которых идет круглосуточное дежурство, как оно и было. В

бурном море, в плохую ночь, большой корабль и маленькая яхта практически не видны друг другу. Моряки никогда не знают, откуда пришел удар.

Флорио углубился в перечисление юридических лабиринтов, которые путали морские расследования: за дело бралось ФБР, если были свидетельства о государственном преступлении; комиссии по борьбе с наркотиками вмешивались, если было подозрение о нарушении запрета на наркотики, но если речь шла о контрабанде, тогда присоединялась и таможня; многие суда пропадали в территориальных водах другого государства – и подключались Госдепартамент и Интерпол. И всегда Береговая Охрана оказывалась между двух огней и с подрезанными крыльями.

И чаще всего, результатом пререканий между агентствами было бездействие. В конце концов, что там говорить, потеря того или иного судна и нескольких человеческих жизней не могла особо взволновать общественное мнение.

– Вот если бы пропал Роберт Редфорд, правительству бы не поздоровилось, – сказал Флорио со смешком. – Но если это обычный человек, о нем можно забыть. Кроме того, в законе есть одна загвоздка, и владельцу судна будет лучше, если он не будет вопить “Волки!” и звать полицию. Страховые компании обычно не платят страховку в случае захвата судна. Так что человек, у которого пропадает судно, если он молчит и дает всем понять, что оно потонуло, получает страховку полностью. Если же он идет в ФБР и заявляет, что судно было захвачено в верхних широтах, он не получит и десяти центов. Вы вогнали сотню, а то и сто пятьдесят тысяч долларов в корабль, а это весьма серьезная причина, чтобы закрыть глаза и обвинять во всем Нептуна. Или Бермудский треугольник. Каждому хочется верить в Бермудский треугольник.

– Вы верите?

– А во что верить? Да, я читал все эти книги о том, что это Атлантида, и межзвездные корабли, и морские чудища, и подводные ураганы. Там много чего исчезает, и вопроса быть не может. Но если вы мне приставите нож к горлу и спросите: “Что это такое?”, то я скажу, что это идеальный пример того, как человек и природа действуют в разных направлениях. Это, черт побери, большой район. Там нет особого движения, нет связи, нет приличных карт и прогнозов погоды. Так что, когда Чарли-моряк покидает Майами и плывет к Багамским островам, используя, может быть, атлас вместо карты, – а некоторые из этих идиотов так и делают, – то он просто ищет приключений себе на шею.

– Сделайте для меня хотя бы любое, даже самое дикое предположение, – сказал Мейнард. – Прямо с потолка. Что случилось со всеми этими судами?

Флорио снял защитные очки и оставил их висеть на шее. Он посмотрел в окно, очевидно, производя в уме подсчеты.

– Треть, ну даже, половина из них, я бы сказал, просто пошли на дно, утонули: погода, тупость, что угодно. Пятая часть – скажем, судов сто тридцать – была захвачена “кузнечиками” и затем затоплена или, может быть, переправлена в Тихий океан. Горстка – пара дюжин, самое большее – были украдены, как вы украли бы машину и перепродали ее где-нибудь. Только настоящие придурки могут так делать – рисковать своей задницей, совершая двойное или тройное убийство ради того, чтобы заполучить судно. – Флорио остановился.

– Все еще остается больше сотни судов.

– Я знаю, – Флорио горько улыбнулся. – И именно из-за них я оказался начальником горстки маяков. – Он взглянул на Мейнарда. – Это действительно не для печати? Без шуток?

Мейнард кивнул.

– Я думаю, что эти суда кто-то забирает. Не знаю кто, не знаю, почему, и не знаю, что они с ними делают. Но только в этом есть хоть какой-то смысл. Посмотрите… здесь нет ничего нового. Я получил цифру шестьсот десять путем сложения. Я остановился на тысяча девятьсот семьдесят четвертом, потому что… потому что остановился. Я бы мог добавлять

год за годом, как угодно далеко в прошлое. Конечно, в последнее время их больше, потому что и судов вокруг больше. Но эти суда исчезают в определенной пропорции от общего количества, в одном небольшом районе, без следа, без малейшей возможности объяснить их исчезновение, начиная с тех пор, когда вообще люди стали регистрировать подобные происшествия. То, что там происходит, длится уже по меньшей мере восемьдесят лет.

– И вы думаете, что так оно и будет продолжаться?

– Думаю? Господи, оно и продолжается! На этой неделе, как вы знаете, пропали еще два судна.

– Я ничего об этом не читал.

– Да вы и не могли. Нет никаких достоверных фактов. Единственное сообщение – яхты не прибыли в место своего назначения. Две супружеские пары из Нью-Джерси. Они, может быть, еще найдутся, но, зная, куда они направлялись, я бы не стал этого утверждать.

– Где это было?

– В районе… – Флорио замолчал. – К черту. Легче показать, чем объяснять. – Он встал и провел Мейнарда наверх, в свой кабинет – небольшую уютную комнату, вдоль стен которой стояли шкафы с книгами и которая была забита корабельными принадлежностями: колокол с одного корабля, нактоуз с другого, набор судовых костылей, бронзовый иллюминатор. Стены были оклеены морскими картами. Флорио встал на колени у стола и пробежал пальцем вдоль цепи островов в виде полумесяца.

– Здесь. В районе банки Кайкос.

Мейнард поискал на карте более известные названия, но ничего не нашел.

– Где это?

– Кайкос? К юго-востоку от Багам, к северо-востоку от Гаити. Это британская колония. Полное их название – острова Терке и Кайкос.

– И что там такое?

– В основном места катастроф. Давным-давно испанцам приходилось проплывать через пролив Терке, вот он, или через пролив Кайкос, вот здесь, на пути домой. В этих местах погибло невообразимое количество судов. Эти отмели – на самом деле жуткие ловушки: вы плывете по глубокой воде и вдруг – бах! – дно на глубине четырех-пяти футов. Бермудцы раньше добывали соль в районе Теркса, а на двух-трех островах группы Кайкос некоторое время промышляли сизалем.

– Подождите-ка, – Мейнарду вдруг пришла на память книжка, которую он однажды читал. – Ведь помнится, были споры насчет того, где высадился Колумб, когда открыл Новый Свет. Кто-то считал, в Сан-Сальвадоре…

– Да. Это на Багамских островах.

– … но один человек настаивал, что он высадился на так называемой “группе островов Кайкос”. Я тогда не понял, что он имел в виду.

– Да тут и понимать нечего. Это Богом забытое место. И Всевышний – это единственный, кто может знать, сколько судов там пошло ко дну – сотни, по меньшей мере.

– И никто не вел никакого учета?

– Это невозможно. Да и никому нет до этого дела.

– Как можно туда добраться?

– По воздуху. От Майами, когда местная авиалиния функционирует. Они меняют место своего назначения каждые полгода. Они никого в последнее время не угрохали, но, думаю, это потому, что они летают так медленно.

– Вы там были когда-нибудь?

– Нет. Я слышал, что самое привлекательное в этих местах – это скорпионы. – Флорио взглянул на Мейнарда и увидел, что тот над чем-то задумался. – А что вам известно о тропических островах? Из первых рук, я имею в виду.

– Я был в Нассау. Один раз я ловил рыбу в Уолкерс-Кей, и плавал с аквалангом на Эльютере. Но это было много лет назад.

– Не знаю, о чем вы там думаете, но Кайкос – это не Нассау. Эти острова так же похожи на Нассау, как Энтеббе – на Нью-Йорк, и примерно настолько же цивилизованы.

– Я ни о чем таком не думаю, – сказал Мейнард.

– Нет, думаете. Но это ваше личное дело.

* * *

Было полвторого, когда Мейнард вернулся к музею Авиации и Космонавтики. Он отсутствовал почти три часа. Юстина не было ни на музейной лестнице, ни в вестибюле.

Мейнард нашел его в очереди, ждущей впуска в кинотеатр. Он позвал Юстина из-за заграждения в виде бархатной веревки.

Юстин покинул свое место и поднырнул под веревку.

– Ты можешь сходить в кино, если хочешь. Нам некуда спешить.

– Да нет, я его уже видел. Это фильм по истории полетов. Здорово сделан. Меня чуть не вырвало. – Юстин указал сквозь стеклянные двери на большое здание за спортивной площадкой. – Может, сходим туда? Один парень мне сказал, что там есть отличная выставка оружия.

– Конечно. До вылета еще полтора часа.

Когда они переходили улицу, Юстин взял отца за руку. На другой стороне Мейнард ослабил было руку, но Юстин продолжал его держать. Поначалу Мейнард почувствовал себя неловко: он не привык держаться с кем-то за руки. Но затем, вдруг осознав это, он ощутил грусть. За те месяцы, что он был в разлуке с ребенком, он потерял с ним контакт, он не имел ни малейшего представления о повседневных тревогах и нуждах своего сына. Он уже не считал его ребенком – Юстин был человеком, с которым Мейнард встречался по выходным дням, компания которого доставляла ему удовольствие, и с которым он вел повседневные, развлекательные – но не интимные – беседы. Теперь же мальчик, казалось, хотел возобновить контакт. Мейнард был тронут – и благодарен ему. Он сжал руку

Юстина.

– В музее было очень интересно, – сказал Юстин.

– Отлично, – Мейнарду хотелось сказать еще что-нибудь, но он не знал ни что сказать, ни как.

Они обошли вросший в землю сад скульптур у галереи Хиршорна и направились к зданию из коричневого кирпича с остроконечной крышей.

– А что это за выставка?

– Столетие чего-то.

– Ты имеешь в виду, двухсотлетие?

– Нет. Столетие. Так мне сказал этот парень.

К двухсотлетнему юбилею Смитсоновский институт оформил зал экспонатов, которые демонстрировались во время празднования столетнего юбилея в 1876 году. Выставку собирались закрыть в 1977 году, но она пользовалась такой популярностью, что ее оставили.

Там демонстрировалась одежда, механизмы, посуда, корабельное оборудование, еда и лекарства, а в задней части здания было собрано всевозможное оружие, какое только было известно человеку середины девятнадцатого столетия: скорострельные пушки Гатлинга, мортиры, томагавки, ножи, “дерринджеры”. На стене, на огромной стеклянной витрине, располагалась коллекция огнестрельного оружия системы “Кольт”.

Юстин стоял перед витриной, пожирая глазами каждый из экспонатов, и воображение уносило его к полям сражений, к лагерям индейцев и к погоням за зверьем.

Мейнард же вернулся к разговору с Майклом Флорио. Он повторял про себя вопросы и ответы, вспоминал цифры. Каждый вопрос, на который мог быть дан удовлетворительный ответ, неизбежно приводил к следующему вопросу, на который не могло быть и намека на ответ.

– Это моя любимая, – сказал Юстин, указывая на капсюльную винтовку с шестизарядным магазином.

– Это редкость. Они существовали недолго.

– Почему? У них шесть зарядов. А у других только один.

– Да, но появился "винчестер", где использовались металлические патроны с капсюлем в центре – это тебе не бумажный патрон. Проблема с капсюльными винтовками состояла в том, что когда приходил в действие один патрон, то из-за плохой обтюрации могли взорваться и остальные. Люди теряли глаза, у них могло оторвать кисть левой руки, – Мейнард посмотрел на часы. – Пора идти.

На дороге к Национальному аэропорту особого движения не было, так что они приехали за двадцать минут до вылета. Они пошли по проходу к своему самолету, мимо отделения касс Национальных авиалиний – там стояла толпа пассажиров, летящих на Майами. Мейнард вдруг остановился.

– Что такое? – спросил Юстин.

Мейнард не ответил. В голове все смешалось – сомнения, смутные догадки, обобщения. Здравый смысл говорил, что ему надо возвращаться в Нью-Йорк и выбросить историю об исчезновении судов из головы. Подумай. Поговори с Киллером. Это был путь к благополучию и безопасности. Но в глубине души он чувствовал: в его жизни нет ничего такого, что стоило бы сохранить, и ему незачем возвращаться в Нью-Йорк. Ведь выбирать приходилось не между благополучием и риском, речь шла о выборе между достижением чего-то и возможностью остаться ни с чем.

Он взял Юстина за руку.

– Пошли, – он повернул в холл Национальных авиалиний.

– Это не наш самолет!

– Теперь наш.

– Почему?

– А почему бы и нет? Ты когда-нибудь был на Майами?

– Я даже не знаю, где это!

– В двенадцать лет ты не знаешь, где Майами? Ну, пора тебе это узнать.

Юстин позволил потащить себя к кассам.

– У-у! Мама точно убьет меня!

– Зачем ты повторяешь одно и то же? Никогда раньше она тебя не убивала. Кроме того, мы вернемся раньше, чем она об этом узнает.

Мейнард достал из бумажника свою карточку "Американ Экспресс" и двинулся к билетной кассе.

Глава 5

– У меня даже нет зубной щетки.

– Купим. Во Флориде люди тоже чистят зубы. Это возражение было одиннадцатым по счету, которое Юстин изрек, а Мейнард парировал. Эти возражения нельзя было принимать всерьез, Мейнард не сомневался в этом; просто Юстин был возбужден – еще бы, нарушен привычный порядок – и выпаливал любое возражение, какое только приходило в голову, втайне надеясь, что все это разрешимо. И по мере того, как его отец решал, или, вернее, объяснял, как он позже решит все эти проблемы, мальчик все больше успокаивался.

– А что мы там будем делать?

– Поразвлекаемся. Встретимся с некоторыми людьми. Зададим несколько вопросов. Может быть, осмотрим достопримечательности.

– Когда ты повзрослеешь, папа? Ошарашенный, Мейнард ответил:

– Послушай, это ведь не твои слова, не так ли? Это ведь мать?

Юстин покраснел.

– Ну да ладно. А почему ты спросил? Почему ты считаешь, что я не взрослый? Недавно я прочитал объявление для “Плейбоя” – так они считают меня вообще перестарком. После тридцати четырех ты не годишься даже для изучения рынка.

– Взрослые такое не вытворяют, – Юстин жестом указал на самолет.

– Разве взрослые не могут поразвлечься?

– Мама говорит, что ты себя больше не любишь. Поэтому ты работаешь в “Тудей” и заведуешь разделом “Тенденции”.

Мейнард хотел было обратить все это в шутку, но не смог. Он чувствовал замешательство и злость – особенно злость, потому что они с Девон договорились никогда не отзываться пренебрежительно друг о Друге, беседуя с сыном.

– Послушай, Юстин…

Юстин потянулся и осторожно взял Мейнарда за руку.

– Я-то тебя люблю. Как же ты себя не любишь? Я тебя люблю.

– Послушай, приятель… – Мейнард похлопал Юстина по руке и отвернулся. Спустя некоторое время он продолжил: – Я тебе скажу. Я работаю в “Тудей” по многим причинам. Они мне хорошо платят, так что нам хватает на еду. То, что я там делаю, я умею делать хорошо, а это уже кое-что. Это неплохая работа. Множество людей были бы счастливы писать в “Тудей”.

– И ты ничем другим не хотел бы заниматься? Мейнард улыбнулся.

– Когда повзрослею, ты имеешь в виду? Юстин казался смущенным.

– Да.

– Не знаю. Я об этом все время думаю, а иногда пытаюсь об этом не думать. Легче думать о том, что ты есть, а не о том, чем ты не являешься. Если уж я и хотел бы на кого-нибудь быть похожим, то только на Сэмюэла Элиота Моррисона.

– Кто это?

– Он объехал весь мир и все видел, а о том, что он не мог увидеть, потому что это было в прошлом, он читал и старался это пережить в душе; а потом писал книги и рассказывал в них о том, что он узнал.

– Ты хочешь писать разные истории.

– Истинные истории. Это одна из причин, почему мы летим во Флориду.

Юстин кивнул, очевидно, удовлетворенный объяснением.

– А кем ты хочешь стать, мистер Инквизитор? – спросил Мейнард. – Ты когда-нибудь об этом думаешь?

– Иногда. Когда я был молохе, я думал заняться бионикой, но теперь я не очень в этом уверен.

* * *

Как только они приземлились в Майами, Мейнард послал Юстина купить несколько развлекательных книжек и вечернюю газету. Он надеялся, что там сможет найти еще какие-нибудь факты о пропавших супружеских парах из Нью-Джерси. А сам он в это время направился к окошку с надписью “Бюро услуг”. Полная энтузиазма молодая женщина – с крашеными светлыми волосами, с лицом, как у куклы Барби, и с надеждами на фигуру, как у Долли Партон, – улыбнулась ему и объявила:

– Привет! Меня зовут Джинни! Чем могу быть полезна?

– Не могли бы вы мне сказать, как добраться до Кайкос?

– Да, сэр! Это на Побережье?

– Нет, мадам. Это острова. Острова Терке и Кайкос.

– А, конечно! Сейчас посмотрим. – Она открыла справочник авиарейсов и нашла букву “Т”. – Странно, сэр, но такого у меня нет.

– Нет чего?

– Ни “Терке”, ни “Кайкос”.

– Понятно. Может быть, посмотрите “Навидад”?

– Конечно, – Она перелистнула страницы. – Вот оно! Навидад. Но отсюда вам туда не добраться.

– Ясно. Откуда же я могу туда попасть?

– Ниоткуда, я думаю. Видите? – Она перевернула справочник, чтобы Мейнард мог посмотреть на страницу. – Линия “Санрайз”: полеты отменены. Линия “Аут-Айленд”: аннулирована. Линия “Идеи” – полеты прекращены.

Мейнард сказал:

– Но люди ведь как-то туда добираются?

– Да, сэр. Если вы так считаете.

– Но как?

Девушка покачала головой.

– Может быть, есть какие-нибудь чартерные рейсы?

– Может быть. Спросите в окошке “Рилайэбл”, – она указала на отделение в конце коридора.

– Спасибо за помощь.

– Пожалуйста, сэр. Приходите еще.

Мейнард подождал Юстина, который спешил к нему с пачкой книжек, и они вместе пошли к окошку “Рилайэбл”.

Тощий мужчина с обветренным лицом заполнял бланки билетов; он писал медленно и тщательно, как будто бы занимался каллиграфией. После каждого слова он облизывал кончик шариковой ручки и задерживал дыхание, прежде чем приступить к написанию очередного слога. Его язык был запачкан синим. Мейнард понял, что этот человек явно не в ладах с орфографией.

Он подождал, пока тот заполнит билет, затем спросил:

– Извините, вы мне не скажете, как добраться до Терке и Кайкос?

– У них не освещаются взлетные полосы. Если вы попробуете поискать это чертово место ночью, вы скорее всего окажетесь в Африке.

– А как насчет завтра?

– Если им заблагорассудится лететь.

– Кому “им”?

– Авиалиния “Тропик”. Сокращенно “АТ”. – Мужчина улыбнулся. – Это шутка.

– Самолеты “Рилайэбл” больше туда не летают?

– Правительство отказалось от наших услуг. Они заявили, что мы не обеспечиваем регулярности обслуживания. А как, черт побери, вы будете обеспечивать регулярные полеты, если половина взлетной полосы в рытвинах, а другая половина залита водой?

– У вас есть чартерные рейсы?

– Конечно. Я сам вас туда отвезу. Семьсот пятьдесят долларов. Твин-Бич.

– Где контора линии “Тропик”?

– Ее не существует. Этот парень делает свои дела в баре.

– Как он выглядит?

– Вы его ни с кем не спутаете. – Мужчина хихикнул. – Если только он не валяется на полу к этому времени.

В баре было полно народу и темно, но белую футболку с трафаретной надписью – Авиалиния “Тропик” – можно было ясно различить от самой двери. Мейнард устроил Юстина на свободном месте, рядом с футболкой, и заказал ему кока-колу. Юстин достал комикс “Арчи”, и, устроившись так, чтобы ему было видно, стал читать.

Мейнард наклонился вперед, через плечо Юстина, и заговорил с представителем авиакомпании “Тропик”.

– Извините. Я так полагаю, вы летаете на Кайкос.

– Ага. – Он взглянул на Мейнарда и вернулся к своей пинья-колада.

– Когда следующий рейс?

– Завтра я везу туда продукты.

– Я могу заказать два места?

– Нет.

– А… Все места заняты?

– Я не беру пассажиров. Единственный самолет, который может брать пассажиров, летает по средам. Или четвергам. Ну там, в зависимости от обстоятельств.

– А-а. – “К черту все это”, – подумал Мейнард. Он обратился к Юстину. – Допивай. Посмотрим, сможем ли мы поймать самолет до Нью-Йорка.

Юстин допил кока-колу и слез с табурета.

Мужчина сказал:

– Я не говорил, что вы не можете лететь.

– Нет, вы так и сказали.

– Нет. Я сказал, что вы не можете заказать билеты. Мейнард сделал глубокий вдох.

– Понятно. Так как же нам…

– Мне придется перевезти вас просто так, бесплатно.

– О… это очень любезно с вашей стороны.

– Конечно, никто не будет возражать, если вы возместите стоимость горючего.

– Несомненно. И какая сумма… будет достаточной компенсацией?

– Пятьдесят долларов с носа. Наличными. Оплата вперед.

– Считайте, что они у вас в кармане. В какое время?

– В семь часов. Ждать никого не буду.

– Какая полоса?

– Полоса? Черт. – Мужчина кивком указал на взлетные полосы. – Прямо там, на площадке.

– Что за самолет?

Мужчина, взглянув на Мейнарда, понизил свой голос до издевательского баса:

– Ну так и быть, капитан, я вам скажу: это будет тот самолет, которому заблагорассудится завтра взлететь.

Единственным приличным словом, которое пришло Мейнарду в голову, было:

– Хорошо. – Он взял Юстина за руку и повел его из бара.

Девушка в окошке “Бюро услуг” забронировала для них комнату в отеле аэропорта и направила их к автобусу Бюро, который и повез их туда.

В автобусе Мейнард сказал Юстину:

– Чем бы ты предпочел заняться сегодня вечером?

– Без разницы. Может, посмотрим телевизор?

– Слушай, приятель, мы же в Майами. Ты должен хотя бы на него посмотреть.

– Хорошо. Завтра мы куда-нибудь сходим?

– Может быть. Мне надо сделать пару звонков.

– В понедельник мне в школу.

– Понедельник может оказаться и выходным днем. Никогда нельзя знать заранее.

– Каким еще выходным днем?

– Поживем – увидим.

Операторша-телефонистка утверждала, что на острова Терке и Кайкос идет только одна телефонная линия. Она обычно или занята, или не работает. Большинство сообщений передавалось по радио или, по желанию, через сигнальную систему на островах. Более того, она считала, что дозваниваться до представителей местного управления вечером в субботу не имело никакого смысла.

Мейнард упрашивал ее попробовать любой номер. Ему нужно было передать сообщение местным властям. Он не был уверен, что на островах вообще была хоть какая-то власть, но аргумент, по-видимому, сработал. Телефонистка сказала, что перезвонит ему.

Они посмотрели вечерние новости – никакого упоминания о судах из Нью-Джерси – и, по настоянию Юстина, передачу “Бреди Бонч”. Мейнард уже собирался снова звонить на коммутатор, когда зазвенел телефон.

– Я дозвонилась для вас до Кайкоса, – сказала телефонистка. Мейнард слышал в трубке громкий шум и треск.

– С кем я буду говорить?

– Не знаю. Я звонила по всем номерам по очереди, пока по одному из них не ответили. – Раздался щелчок, и голос телефонистки пропал.

– Алло, алло? – Шум в трубке пульсировал, становясь то тише, то громче. – Алло?

– И вам то же, – еле различимый женский голос казался далеким.

– С кем я говорю?

– А кому вы звоните?

Мейнард заговорил – медленно, стараясь четко произносить каждое слово.

– Меня зовут Блэр Мейнард. Я из журнала “Тудей”. Я стараюсь дозвониться до кого-нибудь из властей.

– Бердс, – сказала женщина.

– Простите, – Мейнард подумал, что он чем-то невольно задел[5]эту женщину.

– Бердс! – повторила женщина.

– Что “Бердс”?

– Его зовут Бердс. Он здесь уполномоченный. Бердс Мейкпис.

– Вы не знаете, где он?

– Здесь его нет.

– Вы не могли бы передать ему сообщение?

[5] Bird – весельчак (англ., разг.).

– Что вы от него хотите?
– Я бы хотел встретиться с ним завтра. Вы могли бы ему это передать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.